

Kyrie Eleison

Владимир Стрельцов

ТРУПНЫЙ
СИНОД

18+

Владимир Стрельцов

Трупный синод

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42318119

SelfPub; 2019

Аннотация

«Трупный синод» – первая книга исторической серии «Kyrig Eleison» о средневековой Италии конца IX – первой половины X веков. Это время окончательного развала империи Карла Великого и глубочайшего нравственного падения Римско-католической церкви, приведшее к суду над умершим папой и установлению в Риме и над Святым Престолом власти двух женщин – супруги и дочери сенатора Теофилакты, прославившихся своей красотой и развращенностью. В истории Римско-католической церкви этот период носит название «порнократия» или «правление шлюх».

Содержание

Пролог.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Пролог.

Пройдя сквозь огонь готских и лангобардских завоеваний, преодолев тягостный византийский гнет, сравнимый с гнетом гнилой воды, Рим – Вечный город человечества – на заре десятого века христианской цивилизации, казалось, вновь становился центром Вселенной. Растеряв за время сытных лет весь свой воинский талант, распродав, в качестве платы за свое спокойствие, чины и земли отважным чужеземцам, великий, изворотливый город нашел новое орудие, способное повелевать миром. Ни огонь, ни мечи, ни ратная доблесть великих завоевателей Велизария и Тотилы не смогли совладать с городом, кротко встречавшим всякого нового нетерпеливого кандидата в свои хозяева, держа в руках одно лишь Святое Распятие. И хитрый грек, и необузданный лангобардец, и даже сам Карл Великий склоняли свои гордые головы, опускали крепкие плечи и простирались ниц перед тем, кто звался слугой слуг божьих, викарием Иисуса Христа и высшим пастырем вселенской церкви.

Влияние и авторитет епископа Рима со временем простерлись в самые отдаленные и глухие закоулки Западной Европы и многие честолюбивые и смелые понтифики начали открыто претендовать на решающую роль в устройении дел всех королевских дворов. Создав с помощью франков собственное государство на обломках Равеннского экзархата, Рим-

ская Церковь, устами папы Николая Великого¹ и потомка вестготских королей Исидора Севильского², открыто заявила о претензии римских епископов на независимость от светских правителей, а папа Иоанн Восьмой первым среди понтификов начал подвергать отлучениям могущественных европейских монархов.

К концу девятого века жестокие испытания огнем и водой были пройдены папским Римом с честью, но новый экзамен на выживание, самый сложный, самый коварный и самый позорный, обманчиво прекрасным миражом уже встал у него на пути. Кто бы мог в то время подумать, что весь авторитет Святой Церкви, вся нетленная слава Рима, вся мощь вновь воссозданной Западной империи в скором времени окажутся забавными игрушками в прелестных ручках смертных женщин сомнительного происхождения и необузданного нрава, красота одной из которых для современников затмит в памяти красоту Клеопатры, а развращенность и властолюбие будут таковы, что Лукреция Борджиа³ и Екатерина Русская⁴ на ее фоне будут выглядеть впоследствии лишь бледными копиями, сотворенными немощным и из-

---

¹ Николай Первый (800-867), римский папа (858-867)

² Исидор Севильский (ок.570-636), монах, епископ Севильи, богослов, провозглашен католической церковью Учителем Церкви, причислен к лику святых

³ Лукреция Борджиа (1480-1519), дочь папы Александра Шестого, обвинявшаяся современниками в распутном образе жизни, в т.ч. сожительстве с отцом и со своими братьями

⁴ Екатерина Вторая (1729-1796), российская императрица (1762-1796)

лишне щепетильным потомством следующих веков. Владыки Церкви последней тысячи лет, возможно, многое бы дали за то, чтобы имя ее стерлось во веки веков, и ваш презренный слуга заранее приносит свои извинения, что, берясь за неблагодарный труд осветить время, в которое совершались деяния одной из самых великих и преступных женщин человечества, вынужден будет потревожить пыль изрядной толщи лет и приоткрыть не ведающим те страницы, о которых Святая Римская Церковь предпочла бы навсегда забыть.

Вот только что нам осталось на память о том времени, которому школьный учебник истории не удосуживается посвятить более десяти строк? О веке, пренебрежительно называемом историками не иначе как темным, хотя время это явилось ключевым в национальном самоопределении и судьбе сразу трех великих европейских наций? Наконец, о той, одновременно прекраснейшей и ужаснейшей женщине дремучей средневековой Европы, единолично творившей историю будущего Ватикана, не останавливающейся в своих стремлениях ни перед чем и давшей своим существованием название целой эпохи в истории Святой Римской церкви – эпохи «порнокрапии» или «правления шлюх»?

Существенный, до вакуума, дефицит информации о том времени, тех событиях и судьбах, вне зависимости от того случайно или намеренно он был создан, не дают автору основания претендовать на исключительную историчность повествования, но, к счастью (к счастью ?), никто также не в

силах доказать, что события, описываемые далее, не имели место быть или же не могли предлагаемыми автором причинами быть вызваны.

*****

Эпизод 1.

1649-й год с даты основания Рима, 10-й год правления базилевса Льва Мудрого, 4-й год правления франкского императора Ламберта (05 апреля 896 года от Рождества Христова)

– *Mas nobis dominus est!*⁵

Без пяти минут Его Святейшество папа, а пока еще формально просто кандидат на престол святого Петра, иподиакон⁶ Бонифаций, сын священника Адриана, тяжело приподнялся с весьма неудобного сиденья *Sella Stercoraria*⁷ и, оправив одежды, пересел в роскошно убранное кресло. Совершая сей нехитрый маневр, он, помимо воли, испытал сильный прилив краски на своем благообразном лице и не одна только приобретенная с годами телесная тучность была тому единственной причиной. Язвительные смешки, как следы от брошенного в воду камня, кругами разошлись среди собравшихся в Латеранской базилике и были слишком явственно

---

⁵ Наш папа есть муж ! (лат.)

⁶ Иподиакон-один из низших черковных чинов

⁷ Стул со специальным отверстием в середине, с помощью которого с середины 9 века проверяли кандидата в папы в принадлежности к мужскому полу.

услышаны уже почти святейшими на тот момент ушами. Ему прекрасно была понятна природа этого смеха, и он, нарочито строго и укоризненно взглянув на толпу смиренно согнувшихся гостей, разом восстановил тишину.

Величественный процесс папской коронации продолжился. Поборов ураганно возникший в душе, но слишком неподобающий в данной ситуации гнев, Бонифаций, досадуя на столь конфузливые нововведения, в поисках их причины невольно углубился в воспоминания. Только что закончившаяся процедура действительно была относительным новшеством в процессе папской коронации, но заключалась всего-то в удостоверении принадлежности кандидата к мужескому полу, для чего вышеупомянутое сидение имело достаточной ширины отверстие, чтобы пол претендента на тиару был определен безошибочно. Восстановив грозным взором тишину в зале среди приглашенных гостей, Бонифаций едва ли мог рассчитывать на аналогичное восстановление тишины и благонравия в их мыслях. В его памяти, как и в памяти многих из приглашенных, еще свежи были воспоминания о событиях сорокалетней давности, принудивших иерархов Церкви ввести столь стесняющий любого будущего понтифика обряд.

Сорок лет тому назад он, в то время простой горожанин Рима, по-итальянски обжигающим солнечным днем 15 августа 855 года, горячо приветствовал торжественное шествие в день Успения Девы Марии, которое возглавлял обожаемый

всеми римлянами молодой понтифик Иоанн Восьмой Английский. Рим души не чаял в своем новом господине, умиляясь спокойной северной красотой его лица, кротости нрава и невиданным для того времени обширным познаниям во многих науках. Придя в Рим из далекого Майнца, Иоанн начал преподавать в греческой школе и за короткое время, благодаря своим талантам и набожности, стремительно взлетел по церковной иерархической лестнице. После смерти папы Льва Четвертого, Рим не сомневался ни минуты – новым владыкой вселенской церкви решено было выбрать очаровательного чужеземца, чья кандидатура должна была успокоить вечные раздоры среди порой до абсурда многочисленных итальянских партий. Иоанн управлял Римом дипломатично и мудро, сохраняя при этом строгость к себе в части служения Господу. Вечный город, казалось, обретал нового Григория⁸.

Бонифаций в тот день из всех сил старался не потерять из виду Иоанна Английского, восседавшего на легендарном *Sedia Gestatoria* – переносном папском троне, обитом красным шелком, позади которого мерно покачивались белоснежные флабеллумы⁹. Папский паланкин, согласно традиции, несли двенадцать слуг в алых одеяниях, помимо, скажем так, опорно-двигательных функций также выполняв-

---

⁸ Григорий Первый Великий (540-604), римский папа (590-604), почитается всеми основными христианскими церквями мира.

⁹ Опахала

ших, вместе с небольшой охраной, роль волнорезов в людском море. Это было делом весьма непростым, толпа была велика и продолжала расти и уплотняться, так что юному Бонифацию нечего было даже думать о том, чтобы попытаться приблизиться к молодому папе и коснуться полы его одежды. Только бы удержать в поле зрения и навсегда запечатлеть в памяти его кроткий образ, ведь одно это, по всеобщему убеждению, позволит любому грешнику списать с души своей не менее дюжины грехов! Папа, казалось, себя не очень хорошо чувствовал в тот жаркий день, часто просил пить, а временами молодой служка давал ему понюхать какие-то соли. Толпа теснила папу со всех сторон, тысячи рук жадно стремились коснуться его, попытки стражи хоть как-то обозначить видимость порядка были все менее успешными и все более истерично-резкими. В момент, когда процессия худо-бедно миновала древний Колизей и приблизилась к базилике святого Климента, римский плебс испытал новый приступ экзальтации. Возникла давка, стражники мужественно бросились навстречу людскому потоку, носильщики держались, как могли, но все тщетно – десятки горожан упали под ноги процессии, несколько человек оказались брошенными под носилки понтифика, и сам Иоанн Английский, внезапно неуклюже взмахнув руками, вывалился на мостовую.

Римляне, тысячеголосо ахнув, отпрянули от места падения папы, устращась причиненным ему несчастьем. В ту же

секунду притихло людское многоголосье, ибо площадь внезапно прорезал дикий крик понтифика. С вытаращенными глазами, абсолютно не понимая, что происходит, и истово крестясь, толпа, включая папских слуг, несколько минут наблюдала, как их владыка странно корчится на земле, раздирая на себе одежду. Проступившие на папском одеянии пятна крови повергли толпу в окончательный шок. Бонифаций, находясь не в первых рядах, и, потому, толком не видя, что происходит, напряженно вслушивался в стоны понтифика, достигавшие все новых и новых звуковых высот. Никогда не доводилось ему слышать, чтобы человек мог так кричать, и среди толпы, мало-помалу начавшей приходить в себя, уже пошел шепоток, что папа сошелся в яростной схватке с самим Люцифером, решившим, очевидно, испортить своим появлением торжественное шествие. Вдруг тональность стонов несчастного папы начала меняться, в их страдальческие ноты добавилось нечто другое и странное, и вконец изумленная толпа не сразу поняла, что улицы святого города огласил крик родившегося на их глазах ребенка.

Бонифаций хорошо запомнил лица окружавших его тогда людей. Еще десять минут назад они умиленно светились вслед предмету своего обожания, еще мгновенье назад тысячи людских губ шевелились, шепча молитвы за здоровье папы, которого постиг внезапный недуг, и вот теперь лица многих перекосила звериная злоба от вдруг обнажившегося пред ними неслыханного святотатства! Чужеземец без роду и пле-

мени, ослепив глаза и разум всему Великому Риму своей сатанинской ученостью, водрузивший себе на голову святую тиару, получивший ключи самого Петра, оказался женщиной, причем явно не чуждой земным утехам за гранью выданных на Синае¹⁰ заповедей!

Вот уже сорок лет Бонифаций благодарит Господа за то, что не видел происходившего далее. Толпа, совершенно обезумев, расправилась с Иоанной и с только что рожденным младенцем. Свершив свой скорый суд и казнь, люди молчаливо и быстро расходились в состоянии похожем на тяжелое, туманящее похмелье, многим уже спустя минуту после убийства вдруг стал очевиден весь ужас ими содеянного и они боялись смотреть друг другу в глаза. На несколько дней Рим обезлюдел, как будто страшный Тотила¹¹ вновь пронесся по его древним улицам, горожане, несмотря на начинавшийся праздник феррагосто¹², даже под колокольный звон базилик не решались покинуть свои жилища, тщетно пытаясь в вине и молитве найти себе успокоение. Церкви пришлось принимать скорые и энергичные меры, и был найден выход, простой и естественный рецепт, медленно, но надежно заглушавший муки совести – забыться и забыть случив-

---

¹⁰ Имеются в виду 10 заповедей, которые, согласно Пятикнижию, были даны Моисею самим Богом.

¹¹ Тотила (?-552), король остготов (541-552), дважды (в 546 и 550гг.) занимавший и разорявший Рим.

¹² Феррагосто – в Италии праздник окончания летних работ, вобравший в себя традиции язычества и христианства. Празднуется 15 августа.

шеся, все это было так недолго, не с нами, неправда, а теперь уже и давно. Папская курия очень скоро приняла решение навсегда изменить маршрут процессии от собора Святого Петра к Латерану, чтобы никогда больше путь епископа Рима не проходил мимо места ужасающего преступления. Имя Иоанны старательно удалили из всех документов, Иоанном Восьмым¹³ в истории папства стал именоваться вступивший на апостольский престол в 872 году римлянин Иоанн Гундо, и лишь небольшая статуя женщины с новорожденным ребенком на руках, появившаяся вскоре на месте убийства Иоанны Английской, еще долго напоминала гражданам Рима о совершенном ими злодеянии.

Усилием воли Бонифаций заставил себя переключиться на события, происходящие вокруг него. Церемония посвящения подходила к концу. Вот уже ему епископом Альбано вручен Папский крест – посох с распятием на вершине. Вот на бархатной подушке, расшитой золотом, епископ Порто торжественно преподносит золотое Кольцо рыбака, на кольце печать с именем нового папы и неизменный Симон, тянущий свои сети. Вот Евгений, епископ Остии и главный распорядитель церемонии, опускает ему на шею паллий¹⁴ из шерсти освященных ягнят, вытканый заботливыми руками монахинь обители Святой Агнессы. А вот и знаменитые

---

¹³ Иоанн Восьмой (814-882), римский папа (872-882)

¹⁴ лента из белой овечьей шерсти с вышитыми шестью чёрными, красными или фиолетовыми крестами, элемент литургического облачения епископов

ключи святого Петра, их подносит тоже Петр, епископ Равенны. Тяжелые воспоминания развеялись как утренний туман, и душу папы охватила теплая волна умиротворенности и ликования человека, достигшего вершины своих помыслов. Снова и снова Бонифаций воздавал Небесам хвалу за столь неожиданный поворот в его судьбе.

Еще бы! Ведь не так давно он уже мысленно поставил крест на своей карьере в Церкви, когда папа Формоз¹⁵, да смилуются над ним Ангелы Господни, за излишнюю любовь Бонифация к суетным удовольствиям вторично лишил его сана. Еще две недели тому назад Бонифаций был всего лишь иподиаконом святой католической церкви, то есть не был священником и не имел права вести службы! Еще вчера был жив папа Формоз и не успели остекленеть его глаза, как церковь трижды до захода солнца выносила на одобрение Рима кандидатуры на апостольский престол. И, если бы не склоки среди епископов Италии, грозившие порой перерасти в заурядную потасовку, если бы не вечные интриги и раздоры итальянских герцогов, если бы не вовремя для себя представившийся папа Формоз, столкнувшийся лбами сполетского герцога Гвидо¹⁶ и варвара Арнульфа из Каринтии, быть бы ему, в лучшем случае, нотарием Рима до конца своих дней. Но итальянские партии сколь многочисленные, столь и

---

¹⁵ Формоз (816-896), римский папа (891-896)

¹⁶ Гвидо Сполетский (?-894), герцог Сполето, король Италии (889-894), император Запада (891-894)

непримиримые, со внезапной стремительностью сошлись в одном – лучшим способом хотя бы на самое короткое время дать земле Италии мир и спокойствие будет избрание епископом Рима человека нейтрального и – здесь мы дополним от себя размышления нового папы – абсолютно для всех безобидного.

О, он докажет им, что они не ошиблись в своем выборе! Напрасно все считают его гедонистом и неудачливым сребролюбцем, он будет править твердо и справедливо, он найдет компромисс в делах вздорного Сполето, хитрой Тосканы, кичливой Равенны, дикого Беневента. Он помирит епископов Ананьи и Чере со сторонниками Формоза, ибо интересы Веры всегда должны преобладать над низменной корыстью чиновников от нее!

Он взглянул на Стефана, епископа Ананьи, взглядом полным искреннего призыва к благочестию и миру, но взор его мгновенно потух, как тлевшая лучина в бокале с водой. Он вновь вспомнил несчастную папессу Иоанну, ибо по Риму упорно шел слух, что, не кто иной, как Стефан, тогда двадцатилетний клирик одной из римских церквей, был отцом ребенка, растерзанного у базилики Святого Климента. Некоторые горожане, стремившиеся хотя бы посмертно и частично обелить Иоанну, утверждали, что Стефан совершил насилие над папессой, случайно узнав ее тайну и будучи уверенным, что та ни за что на свете не откроет миру свой позор. Стефан, сам плод связи священника и куртизанки, был мало

любим в Риме, свою церковную карьеру он сделал вне стен Вечного города и, в основном, благодаря послушному исполнению воли всесильного сполетского герцога Гвидо. В годы понтификата Формоза влияние Стефана неизменно возрастало, в итоге покойный папа счел за благо дать ему епископство в Ананьи, устранив, таким образом, его из числа возможных претендентов на тиару, ибо по церковным законам того времени епископ одной епархии не мог впоследствии стать епископом другой. «Подарок» Формоза Стефан оценил по достоинству, став одним из его главных врагов, причем неприкрытым, благо покровительство Гвидо Сполетского было, как минимум, не слабее покровительства папы. Понятно, что избрание Бонифация неистовый Стефан встретил скрежеща зубами, и новоиспеченный папа терялся в догадках, каким именно способом можно было бы заслужить расположение авторитетного церковного вельможи.

На момент описываемых событий Стефану было около шестидесяти лет. В отличие от многих своих ровесников и собратьев по вере, да хотя бы того же Бонифация, он не скопил с годами благообразную тучность. По всей видимости, его энергичная и не знавшая покоя натура в буквальном смысле высосала из него все жизненные соки. С болезненной желтой кожей на лице, сухим орлиным носом, вечном щурившимися и слезящимися глазами он оценивающе рассматривал фигуру Бонифация на троне, как бы примеряя себя на его место, и находя такую подмену более справедливой

и оправданной.

Под стать ему, своего рода омоложенной копией, выглядел и Сергей, епископ Чер¹⁷, вечный соратник Стефана во всех его интригах. Сергию было около сорока, фигурой он был так же тощ, взглядом хитер, а огромный крючковатый нос и лысеющая голова придавали сходства с грифом. Так же как и Стефан, Сергей, по слухам, являлся злостным нарушителем celibата и был горазд на любовные интрижки, с той только разницей, что у Стефана все его амурные победы к тому моменту уже остались только в его ночных беспокойных воспоминаниях. Сергей тоже недолюбливал суетливого и непоследовательного папу Формоза, но делал это в гораздо более дипломатичной и осторожной манере. Бонифаций, задумчиво разглядывая физиономию Сергия, постепенно приходил к печальному для себя выводу, что и этого недоброжелателя будет трудно ватно переманить на свою сторону.

Однако, зачем пытаться располагать к себе челядь, когда есть возможность приглубить ее хозяев?! Хвала Всевышнему, что нет уже подле Рима сполетского смутьяна Гвидо, всю жизнь гонявшегося то за французской, то за итальянской короной, и так бы оставшегося у разбитого корыта, если бы не дразги среди Каролингов и фатальная невезучесть Беренгария Фриульского, его главного конкурента по целям и по духу. У фриульца, казалось бы, на руках были все военные и политические козыри, главным из которых была ита-

---

¹⁷ Ныне город Черветери

льянская корона, водруженная в конце 887 года на его рано поседевшую голову. Гвидо не стал тогда сопротивляться этой коронации, его глаз уже был ослеплен блеском короны западных франков, чье государство к концу девятого века выглядело много крепче и перспективнее итальянского. Однако в Париже его подстерегла неудача, франки, что неудивительно, предпочли своего земляка¹⁸, и Гвидо вернулся в Италию ни с чем. Что еще оставалось амбициозному магнату, как не перевернуть вверх дном родное гнездышко и не попытаться оспорить права Беренгария на итальянский трон? Кипучая энергия Гвидо и слоновья неповоротливость Беренгария решили исход дела. Гвидо, пусть и не с первой попытки, но смог разбить своего врага в битве у Треббии – в том самом месте, где некогда Ганнибал вдоволь покуражился над римскими легионами консула Тиберия. И, в отличие от фриульца и даже древнего пунического героя, сполетский герцог сполна воспользовался результатами победы, благодаря чему, уже через год после коронации Беренгария, Италия, в лице Гвидо, обрела себе еще одного короля. Но даже это не успокоило мятущуюся натуру Гвидо. Единожды повернув к себе колесо фортуны, он изо всех сил удерживал его в своих крепких руках и, расположив к себе папу Стефана Пятого¹⁹ настолько, что тот назвал его своим приемным

---

¹⁸ Эд Парижский (ок. 856-898), граф Парижа, король Западно-франкского королевства (888-898)

¹⁹ Стефан Пятый (?-891), римский папа (885-891)

сыном, через два года стал императором Запада, взяв убедительный реванш за свой парижский конфуз. При этом обойденными остались многие потомки Карла Великого, имевшие на императорский титул куда более весомые права. В силу этого, Гвидо постарался закрепить за своим родом достигнутый успех. В течение двух лет по той же самой дорожке, усыпанной коронами, проследовал его юный сын Ламберт, и только после этого, закономерно посчитав свою задачу выполненной, доблестный Гвидо Сполетский в привычном для себя скоропалительном стиле покинул этот мир.

И вот сегодня, юный император, шестнадцатилетний Ламберт, сын неугомонного Гвидо, сидит на троне вместе со своей матерью Агельтрудой по левую сторону от Бонифация. Окинув его взглядом, Бонифаций поневоле воспрянул духом. Вот с кем можно будет вести переговоры и заключать долгосрочные союзы! Открытое, благородное лицо юноши заверяло в этом лучше всяких булл и византийских манифестов. Когда Ламберту было всего двенадцать лет, Гвидо, прихватив в свой равеннский поход Формоза не то в качестве духовника, не то в качестве заложника, заставил понтифика короновать своего сына императором. Таким образом, Гвидо рассчитывал окончательно завязать в узел интересы сполетских герцогов и престол Святого Петра. Однако, все хорошо в меру, и Гвидо здесь окончательно перегнул палку – коронация Ламберта и насильственные методы ее проведения стали последними доводами для Формоза, чтобы срочно ис-

коть противовес сполетской партии. И таковой очень быстро был найден в лице германского короля Арнульфа. Тот явился в Италию незамедлительно. Но союз Формоза и Арнульфа продолжался недолго – папа быстро понял, что он, вместо того, чтобы получить управляемый противовес, на самом деле оказался меж двух огней. При этом рыцарская натура Ламберта располагала к себе куда больше, чем медвежьи повадки Арнульфа Каринтийского, напугавшего всю Италию кровавым штурмом Бергамо.

По счастью германец вскоре увлекся бургундскими распрями и вынужден был покинуть Апеннины, вследствие чего папу снова бросило на сполетский берег. Ламберт с Формозом прошлой весной встретились в Латеране и юноша пылко испросил у растроганного папы отпущения грехов.

Однако наши недостатки, как известно, являются продолжением наших достоинств. Ламберт свято и слепо любил свою мать Агельтруду, которая вскоре надоумила того помочь своему брату, носящему имя их покойного отца, и заставила Ламберта предпринять поход на лангобардский Беневент, ставший к тому времени вассалом Византии. В итоге все усилия Гвидо-старшего пошли прахом, против Ламберта выступили не только лангобарды и греки, но и бургундцы, а с Альп, опять же по просьбе Формоза, вновь спустился Арнульф.

Ламберту с матерью пришлось спешно искать защиты в своем Сполето, ибо в конце минувшей зимы Арнульф все-

таки вошел в Рим под недоуменными взглядами местных жителей. Вошел в свойственной ему манере, взяв быстрым штурмом Фламиниевы ворота, после чего сопротивления ему уже никто не оказывал. В папский Город Льва каринтиец уже вступал мирно, как северный пилигрим, и покорно преклонил колена перед дрожавшим от страха Формозом. Вконец запуганный и глубоко обиженный на целый мир понтифик, по всей видимости, чувствуя приближение своего конца, в итоге решил запутать всех и отомстить всем, и двухнедельное пребывание Арнульфа в Риме неожиданно закончилось императорской коронацией незаконнорожденного отпрыска Карломана²⁰. После этого сей старец, с чувством исполненного долга и с навсегда замершей на его устах ироничной ухмылкой, испустил дух, оставив всю Италию разбиться с двумя императорами в лице Ламберта и Арнульфа, а также двумя национальными королями, каковыми считались все тот же Ламберт и Беренгарий Фриульский. Анекдот, возможный только на итальянской земле!

И, так же, как и Ламберт, Беренгарий сейчас с торжественной миной восседал рядом с Бонифацием, но по правую руку от папы. В высшей степени и символично, и дипломатично. Второму или первому, это уж кому как нравится, а точнее было бы сказать «еще одному» королю Италии, Беренгарию Фриульскому, на сей момент было сорок шесть лет. Природа

---

²⁰ Карломан (830-880), король Баварии и Италии (877-880), правнук Карла Великого

наградила его бесчисленными достоинствами и недостатками. В нем было много всего и всего было много. Массивное телосложение его объяснялось не столько заключенной в нем физической силой, сколько чревоугодием, щедрость его души неоднократно перешагивала границы той зоны, за которой скрывалась расточительность, переходящая порой в попросту полубезумные формы управления вверенными ему землями и финансами. Вера его была столь крепка, а дисциплина в соблюдении христианских служб настолько неукоснительна, что находилось в Италии немало проныр, которые этим охотно пользовались. И первым среди таких был, естественно, сполетский Гвидо, который в уже упомянутом сражении при Треббии отступнически, словно сарацин, атаковал войска Беренгария во время благонравного служения тем утренней мессы, обеспечив себе, тем самым, победу в битве и войне.

Итак, по обе стороны от Бонифация, заступавшего на пост епископа Рима, стояли два короля Италии, окидывая неприязненными взглядами друг друга, и придавая проходящей церемонии посвящения некий предгрозовый оттенок. Не будь души Ламберта и Беренгария столь богобоязненны, малейшего повода было бы достаточно для того, чтобы их воины обнажили мечи.

Другим сдерживающим фактором, как это иногда бывает, была еще большая ненависть к общему врагу, находившемуся здесь же, стоявшему сразу вслед за фриульской де-

легацией – врагу, чье появление стало возможным благодаря интригам папы Формоза. Можно только вознести хвалу Небесам хотя бы за то, что их повелитель, наводящий на всех ужас Арнульф, вошедший в Рим паломником и быстро обосновавшийся здесь правителем, спешно покинул Вечный город и маршем, похожим на бегство, начал пробираться к себе на север. Впрочем, великий властитель вел себя на самом деле, как обычное заурядное живое существо, почувствовавшее недомогание и инстинктивно стремящееся вернуться в родные места, где ему будет проще и удобнее справляться с обострившейся хворью. Арнульф действительно был серьезно болен, причем наследника Карла Великого давно терзала весьма неимператорского уровня болезнь – врачи никак не могли избавить его от сонма вшей и глистов, зародившихся, соответственно, в его волосах и кишках, благодаря весьма невежественным манерам. В итоге Арнульфа на коронации представлял Ратольд, его внебрачный сын, что, учитывая происхождение самого Арнульфа, вызывало в Италии кривые ухмылки. Впрочем, и отец, и сын были настолько отважны в бою и смиренны в церкви, что вспоминать об их матерях считалось даже в те времена уделом завистников и ханжей.

Сегодня же Ратольд олицетворял собой силу и доблесть германского короля, чье влияние в далеком Риме было не менее сильно, чем власть двух итальянских королей сполетского и фриульского разлива, находившихся здесь непосред-

ственно. Последние сомнения в этом плане развеивались при взгляде на Фароальда, командовавшего германским гарнизоном в Риме – человека, черты лица которого, яснее ясного демонстрировали решительность и жестокость характера. Да и сама германская делегация в целом была достаточно многочисленна, оригинальна в своем облачении и поведении, и воинственно поглядывала на сполетцев, группировавшихся возле Ламберта. К фриульцам же германцы относились с оттенком снисходительности, не без оснований считая Беренгария слишком мелкой сошкой для своего Арнульфа. Решающим аргументом для такого мнения послужил тот факт, что еще во время своего первого похода на Рим, Арнульф добился от Беренгария вассальной клятвы верности и, в знак исполнения принятых обязательств, даже заставил фриульца нести свой щит.

Ну а за сполетской делегацией, ослепляя всех золотом своих одежд и возмущая всех надменным выражением лица, пышно размещались делегаты византийского императора Льва Шестого Мудрого. Менее века минуло с тех пор, как Карл Великий нарушил мировую монополию Византии на право именовать своих правителей титулом императора. Менее века – срок слишком малый, чтобы византийские базилиевсы могли смириться со случившимся и признать грязных западных варваров равными себе, прямым наследникам Цезаря и Траяна, никогда не склонявших голов перед чужеземцами. В описываемые времена власть византийских импера-

торов еще простиралась на области Южной Италии, включая Неаполь, а вожаемой мечтой многих греков по-прежнему оставалось вернуть Рим и Равенну под управление Константинополя. Еще одна мощная сторона, интересы которой ни в коем случае нельзя пренебрегать!

И все эти люди стояли возле наследника Святого престола, одни презирая, а другие ненавидя его. А он, Бонифаций, воспарив в своих мыслях к небесам и возлюбив ликующей душой все живое, наивно рассчитывал найти компромиссы со всеми. Первый же компромисс, ему, кстати, предстояло поискать уже сегодня – при приеме присяги патриция Рима, при приеме приветствий и подарков от гостей, первым присягу и приветствие надлежало принять от действующего императора или его посла. При этом глашатай, перечисляя все титулы присягающего, опять-таки всенепременно должен был начать с титула императора. И как быть, дорогой мой Формоз, как теперь распорядиться твоим наследием, кто теперь проследует к папскому трону первым и как поступить глашатаю? Понятно, что подобная ситуация не распутается за один день, понятно, что при любом исходе останутся недовольные, но, что на сей час будет являться меньшим злом? С одной стороны, Ламберт на церемонии присутствует лично, тогда как германцев представляет лишь незаконнорожденный сын Арнульфа и вроде как, отдавая предпочтение Ламберту, папа поступит максимально логично и вежливо. С другой стороны, германский гарнизон властву-

ет сейчас в Риме и, нанеся обиду Арнульффу, Бонифаций по окончании церемонии останется с германцами практически один на один. К чему это может привести откровенно свидетельствует печальная судьба папы Иоанна Восьмого, чей жизненный путь остановил удар молотка по святейшему черепу, случившийся всего-то за четырнадцать лет до описываемых событий, а стало быть служивший всем понтификам того времени более чем наглядным примером.

Это трудное решение принималось Бонифацием в последние часы перед интронизацией. В поисках выхода из тупика Бонифаций обратился к верным сторонникам покойного Формоза, пресвитерам Роману Марину, Теодору и Иоанну из Тибура²¹. Тибуртинский священник, человек умный и во всем и везде ищущий компромисса, предложил Бонифацию подтвердить все имеющиеся титулы для всех конфликтующих сторон:

– Тем самым вы, брат мой, просто зафиксируете уже случившееся. Причем случившееся без вашего участия. А, следовательно, и вашей вины. И ничего страшного в том, что обе стороны принесут вам клятвы верности патриция Рима, в конце концов, два защитника вашего престола лучше, чем ни одного. Таким образом, и германские волки будут сыты, и сполетские овцы целы. Если можно, конечно, назвать сполетцев овцами, – с усмешкой добавил он.

Мысль, безусловно, была весьма здоровой. Но честолюбив-

---

²¹ Ныне Тиволи

вому уму Бонифация, задумавшему примирить всех и вся, куда больше пришлась по вкусу идея Романа, кардинала-пре-
свитера римской базилики Святого Петра в Веригах²²:

– Иоанн, брат мой, как всегда явил себя человеком мудрым и ответственным. Но если допустить прямо противоположное решение и опустить королевские и императорские титулы овец и волков? Тем самым, в своих руках вы сосредоточите всю полноту власти в подтверждении императорских и королевских регалий Ламберта, Арнульфа и Беренгария. Любой из этих достославных властелинов будет искать опору в Риме, и кто проявит большее рвение в поддержке престола Святого Петра, тот и будет вознагражден короной и званием патриция Рима.

Иоанна предложение соратника привело в изумление:

– Почитаю своего брата Романа первейшим христианином мира после вас, Бонифаций, но его предложение невероятно рискованное. Вместо попыток добиться вашего расположения это приведет к тому, что вашими врагами станут все, военные действия возобновятся к вящему удовольствию врагов Италии. А что есть смиренный раб рабов Божьих против германских мечей и сполетских копий?

Роман отвечивал:

– Такой путь, Бонифаций, чрезмерно труден и опасен, и нет смысла спорить о том с братом Иоанном, он, как всегда, прав. Такое решение было бы достойно разве что святых Ни-

---

²² Базилики Сан Пьетро ин Винколи

колая и Григория, ваших предшественников, хвала Небесам за их существование.

Кому как не Роману было известно о честолюбии Бонифация! Сравнение с папами Николаем и Григорием было настолько лестно, что он уже готов был решиться на сей ответственный шаг, когда хмуро молчавший до этого момента Теодор внезапно произнес:

– Помимо мечей и копий может быть еще и молот, братья!

Опять про этот молот и несчастного Иоанна Восьмого! Но не для того, чтобы просто напугать Бонифация, брат Теодор бросил эту фразу. Стефан и Сергей, эти шакалы в епископских сутанах, неминуемо воспользуются любой оплошностью папы, любым секундным ослаблением его власти. И как ни прельстительна в своей опасности и конечных целях была идея Романа Марина, пришлось принять взвешенное предложение бывшего бенедиктинского монаха из Тибура. Нерешенной оставалась задача, какую именно делегацию римскому епископу принять первой. После долгого раздумья Бонифаций, будучи все же последователем Формоза и отдавая дань последней воле своего учителя, принял следующее решение:

– Епископ Рима, наместник Святого Петра, раб рабов Божьих, Бонифаций приветствуют тебя, Цезарь Арнульф, в лице подданных твоих, и шлют благословение тебе от святой Церкви Спасителя нашего Иисуса Христа!!!

Ратольд, Фароальд и вся германская делегация послушно

преклонила колени, готовясь принести клятву патриция, но более всего ликуя в душе и празднуя очевидную победу. Беренгарий Фриульский, отчетливо вздохнув, принялся увлеченно рассматривать украшения Латеранской базилики, его свита сохраняла стоическое молчание. Среди сполетцев пробежал ропот. Агельтруда, мать Ламберта и вдова Гвидо, ставшая в один момент пунцовой от гнева, не преминула выразить прилюдно в столь святом месте и в столь ответственный момент свое отношение к произошедшему и, зашуршав платьем, направилась к выходу, несмотря на попытку сына удержать ее. Византийский посол Анастасий что-то немедленно начал шептать на ухо срочно вызванному диакону, очевидно исполнявшему при греческой делегации обязанности писаря. Выбор нового папы Бонифация был сделан.

– Епископ Рима, наместник Святого Петра, раб рабов Божьих, Бонифаций, лично приветствуют тебя, Цезарь Ламберт, и шлют благословение тебе от Святой Церкви Спасителя нашего Иисуса Христа!!!

Неуклюжая попытка найти примирение! Останься в зале герцогиня Агельтруда, известная раба своих малопредсказуемых эмоций, не исключено, что сполетцы демонстративно отказались бы приносить клятву патриция Рима. Но Ламберт рассудил иначе и, несомненно, был прав, ибо такой поступок сыграл бы только на руку германской партии. Молодой император и его свита лишь подчеркнуто неторопливо преклонили колени перед заметно засуетившимся понтифи-

ком. Произнеся дежурные слова клятвы голосом, лишенным всякого вдохновения, Ламберт затем подошел к трону понтифика и, стараясь не глядеть в глаза папы, поцеловал печать святого Петра.

– Прости цезарь, так надо, – нашел в себе силы прошептать Бонифаций, и возложил руку на голову молодому императору.

Ламберт отошел, не проронив ни слова и доверив приветственную речь своему герольду.

После него последовал черед византийской, а затем фриульской делегаций. Византийцы подарили новому папе молодого африканского льва, не преминув съязвить при этом, что сей царственный зверь будет всегда напоминать Бонифацию о константинопольском владыке, носящем это же имя. Следующим был Беренгарий. Он был несколько смущен, но всеми силами старался подчеркнуть, что его нисколько не задела второстепенная роль, отведенная ему при папской коронации, а прикосновение к мощам святых вызвало в нем дополнительный благоговейный трепет. После чего почтение новоиспеченному папе стали оказывать гости калибром поменьше и Бонифаций, словно сбросив с плеч тяжелый груз, начал с любопытством и с определенным удовольствием их рассматривать.

Вскоре после Беренгария к руке папы подошел Адальберт, маркграф Тосканский. Человек, чье влияние в делах страны было бесспорным, с той только оговоркой, что дости-

галось не уровнем его титула, а накопленными богатствами, о размере которых ходили легенды. В отличие от большинства вельмож, тосканец являл собой прекрасный образчик тогдашней моды, а со своими манерами и речью не затерялся бы и в века куда более утонченные. Не менее ревностно, чем за своей внешностью, Адальберт следил за состоянием своих земель, поощряя ремесленные школы и покровительствуя негоциантам. Экономические интересы его занимали куда больше, чем военные походы, и если чему-то уступали в шкале приоритетов тосканского графа, то только вопросам религии, да и то, если верить его собственным словам и не знать потайных мыслей. Сокровища Адальберта помогали своему хозяину держаться до известной степени независимо, и хотя в большинстве дел он принимал сторону своих соседей из Сполето, тем не менее, был, что называется, себе на уме. Выбрав терпеливую тактику, он твердо верил, что его час неминуемо придет, тем более, что он был на пятнадцать лет моложе Беренгария и на столько же лет опытнее и мудрее Ламберта. На коронации он был в сопровождении своей жены Берты, белокурой тридцатидвухлетней красавицы с необыкновенно прекрасными сапфировыми глазами.

После Адальберта последовали делегации маркграфа Анскария Иврейского, послов лангобардского Беневента, бургундского короля Рудольфа Первого, архиепископа Равенны – этой вечной соперницы Рима, затем короля Прованса Людовика, короля франков Эда Парижского (встреченного спо-

летцами новой порцией понятного всем ропота) и уж вовсе экзотичных делегаций далеких народов типа англов, фризов, а также памплонских басков, в те годы мужественно оборонявших свои земли от беспрестанных наскоков арабских завоевателей.

После этого настал черед приветствий от других епархий христианского мира. Романо Марин, Теодор и Иоанн из Тибура искренне припадали к руке нового понтифика, подбадривали и благословляли его, вступившего на столь ответственный и опасный во всех смыслах путь. За Стефана отвечал его диакон, видимо, епископ Ананьи не нашел в себе силы выдать приветственные слова. В отличие от своего друга, епископ Чере был, напротив, чрезмерно сладостен в своем обращении к Бонифацию и даже назвал его подобным Григорию, принимающим власть в непростой для Рима момент. Увы, Бонифаций был не только честолюбив, но и падок на лесть, а может ему в этот момент просто хотелось услышать пусть и лживые, но все же слова поддержки. Так или иначе, но епископству Сергия была немедленно пожалована щедрая рента, вызвавшая у почтенного брата Теодора неконтролируемое расширение глаз, а у Романо Марина внезапный приступ изжоги.

Приветствия, поздравления, клятвы, лобызания святых реликвий и вручение привилегий и подарков суетного бытия длились уже не один час. Уровень знатности и достатка делегатов неумолимо снижался на протяжении всего вре-

мени, и Бонифацию, не в силу своего лицемерия, но в силу очевидного физического перенапряжения, все тяжелее было сохранять на лице милостивое и участливое выражение лица, а мозг все больше отказывался запоминать всех этих бесчисленных графов или, как их чаще тогда называли, комитов, а также графских наследников – вице-комитов (висконтов²³), а также епископов, диаконов, префектов, нотари-ев, протоскриниариев²⁴, кубикулариев²⁵ и других достойных должностных лиц, чьи функции и обязанности, как например силенциария²⁶, в полной мере были неизвестны им самим.

– Да здравствует наш государь папа!

Этими традиционными словами начали, наконец, приветствовать Бонифация граждане самого Рима, собравшиеся на площади перед Латераном и дождавшиеся выхода к ним нового епископа. Восторг римлян был настолько неподделен, что это вселило новые силы и бодрость в душу Бонифация. Вот его настоящая опора и защита, обеспеченные и свободолюбивые граждане Рима, еще сохранившиеся кое-где потомки Галлиев, Симмахов и Аэциев²⁷, уже закрепившиеся в

---

²³ Висконт (от латинского *viscomes*) – как правило, таковым считался старший сын графа.

²⁴ казнохранителей

²⁵ постельничьих

²⁶ хранитель тишины

²⁷ Знаменитые древнеримские фамилии

городе потомки Лиутарда, Нарсеса и Дезидерия²⁸, все вместе ныне ревниво оберегающие свои права от посягательств более успешных за последние века соседей! Его беды – их беды, его враги – их враги! И новый папа поистине героическим усилием воли заставил себя найти силы для встречи и запоминания наиболее примечательных римлян.

Где-то в середине римской делегации к папскому трону подошло семейство, сразу обратившее на себя внимание собравшихся. Впереди, как положено, шел муж, невысокий и коренастый мужчина лет тридцати, имевший вид явно не римский. Его просторное и шитое золотом одеяние, его кудрявые волосы и чересчур бронзовый цвет лица, наконец, его манера креститься и прикладываться к святыням, все выдавало в нем византийца, нашедшего себе приют на берегах Тибра. Впрочем, среди всего пестрого сонма гостей он был бы не слишком оригинален, и имя его наверняка проскользнуло бы мимо уха Бонифация, если бы не его жена. При виде нее сердца многих присутствующих мужчин смутились необычайно, а сердца женщин, в особенности таких, как герцогиня Агельтруда или Берта Тосканская, зашлись беспокойной желчью. Высокая, статная, с невероятно черными длинными волосами, одетая в ослепительно белоснежную тунику, с гордым, ясным взглядом и необыкновенной завораживающей улыбкой, эта женщина в мгновение ока привлекла к себе внимание всех гостей. Как замороженные, су-

---

²⁸ Имена греческих и лангобардских знаменитостей

ровые рыцари и смиренные монахи смотрели на это чудо мироздания и, наверное, в первый раз за время торжественной процессии посвящения, искренне позавидовали папе Бонифацию, получившему возможность прикоснуться к столь совершенному творению Бога. За руку женщина держала четырехлетнюю девочку, которая была маленькой копией своей матери, за исключением одной, но существенной детали. Если мать, довольная произведенным впечатлением на собравшихся, окидывала восхищенное людское пространство взглядом своих зеленых, как у кошки, глаз, то ее дочь, еще более примечательными, несмотря на малый возраст, глазами цвета глубокой ночи смышлено и бесстрашно рассматривала нового блюстителя трона Святого Апостола.

– Теофилакт, квирит Рима²⁹, и его жена Теодора приветствуют тебя, наместник Святого Петра!

Бонифаций приветственно наклонил голову. Теофилакт и Теодора поцеловали полы его одежды, а затем перстень Рыбака. Их дочь умильно любопытным взглядом продолжала смотреть на все происходящее.

– А как зовут ваше прелестное дитя? – внезапно заинтересовался понтифик, невольно нарушив церемониальный характер процессии и задержав долее прочих эту примечательную семью у своей персоны.

– Мароция, Ваше Святейшество. Мароция Теофилакт, – голос Теодоры был столь же притягателен, как и внешность.

---

²⁹ Гражданин

Бонифаций даже не обратил внимания на тот факт, что отвечать ему, в соответствии с правилами, должен был глава семейства, но никак не его жена. Впрочем, чужеземке это было, наверное, простительно.

Папа снова взглянул на девочку. Сделал он это не только из-за любопытства, а скорее для усмирения проснувшихся неожиданно соблазнов, когда сквозь тончайшую ткань одеяния приблизившейся Теодоры разглядел сатанинско восхитительные женские формы.

– Мароция приветствует тебя наместник Святого Петра! – неожиданно и звонко на ступенях Латеранской базилики прозвенел детский голосок.

Наэлектризованная атмосфера вокруг папы как будто мигом разрядилась. Все присутствовавшие со смехом встретили слова ребенка, который слегка испуганно начал оглядываться вокруг, не понимая, чем вызвана такая реакция. Бонифаций с умилением взглянул на Мароцию:

– Что за восхитительное дитя! Да будет твое будущее благочестиво и смиренно! Да благословит тебя Господь, да вложит в твою душу и твои руки смелость, счастье и удачу, – провозгласил Бонифаций. Присутствующие перекрестились. Последней неуклюже быстро и смешно осенила себя знаменем Мароция.

Теодора, передав папской курии золотые кувшины греческого вина и не упустив момент вновь продемонстрировать понтифику многочисленные достоинства своей фигуры, ото-

шла вместе с мужем и дочерью на сполетскую сторону. Бонифаций, проводив ее взглядом чуть дольше, чем следовало бы, затем с немного печальным облегчением вздохнул.

Так, в пасхальную неделю, в солнечный весенний день 05 апреля 896 года от Рождества Христова, в обстановке всеобщего политического хаоса, в густом окружении тайных и явных врагов, на папский трон вступил сто двенадцатый понтифик в истории Рима, Бонифаций Шестой, полный честолюбивых замыслов принести на землю Италии мир и спокойствие, а свое имя золотыми буквами вписать в историю святой церкви Христа. Намеченная им самим дорога была поистине вымощена самыми добрыми намерениями.

Эпизод 2.

1649-й год с даты основания Рима, 10-й год правления базилевса Льва Мудрого, 4-й год правления франкского императора Ламберта (9-11 апреля 896 года от Рождества Христова)

Четыре дня минуло со дня вступления Бонифация Шестого на престол Святого Петра. Бесперывные церковные процессии, посвященные столь грандиозному событию, но достаточно однообразные и монотонные, порядком утомили римлян. Почти пять веков прошло с тех пор как прекратились пышные празднества Римской империи, город имел теперь слишком иной статус и уровень благосостояния, чтобы хотя бы отдаленно соответствовать масштабам и сценариям

былых сатурналий, устраивавшихся здесь. Самые значимые гости в течение нескольких дней покинули Рим, спеша каждый по своим делам и приняв как объективную реальность нового главу христианской церкви. Город заметно опустел, благодаря чему Фароальд, командующий баварским гарнизоном, задышал реже и спокойнее. Похороны смутьяна Формоза и коронация нового папы прошли, в общем, без осложнений и, в целом, так, как хотелось могущественному Арнульфу. Вчера, наконец, удалился из Рима Ламберт, похоже смирившийся, пусть, наверное, и временно, с тем, что он не единственный император на итальянской земле, еще раньше город покинул вдоволь намолившийся Беренгарий, увозя с собой подарки и несколько святых реликвий для своей горячо любимой жены Бертилле.

Не сказать, что Фароальд расслабился, но очевидно, что его агентурная сеть, раскинутая по городу, работала теперь не в сверхнапряженном режиме. Во всяком случае, от глаз его шпионов непростительно ускользнули активные визиты в дома знатнейших итальянских сеньоров двух уже знакомых нам епископов, которые имели все основания пребывать в самом дурном расположении духа.

Первый визит их высокопреподобия, Стефан и Сергей, нанесли резиденции сполетских правителей. Решившая еще на пару дней задержаться в Риме герцогиня Агельтруда, к своим сорока не утратившая полностью ни красоты, ни уж тем более взрывного характера своих лангобардских пред-

ков, встретила их на пороге дома так, как будто возложение тиары на голову Бонифация состоялось только что.

– Нет, вы только подумайте, что возомнил о себе этот обжора и пьяница Бонифациус! – сходу возопила она, – Он что, не знает, кому он обязан своим избранием? А если знает, то что это было, глупость или предательство? Он думает, что эти варвары теперь в Риме навсегда и он может плевать на исконных патрициев?! Кто он такой и откуда взялся?! И почему деяния уже невменяемого Формоза он поставил выше, чем те же деяния, совершенные Формозом в здравом уме и рассудке? Вместо того, чтобы опираться на надежное плечо соседнего сполетского дома и доблесть законного императора, он зовет в Рим грязных чужедальних бастардов! О, надо что-то делать святые отцы, надо что-то делать. Мы не можем допустить, чтобы Римом вновь овладели варвары с другой стороны Альп!

– Наверяд ли мы заслужили ваши упреки, герцогиня. Было сделано все, что оставалось в наших силах. Мы не могли предполагать, что его память и благодарность окажутся столь коротки. Да, в свое время мы низвергли его из лона Церкви, но, с другой стороны, именно благодаря нам он вернулся в клир. Мы полагали, что его кандидатура успокоит всех. Старый Формоз, несмотря на все грехи Бонифация, благоволил к нему и рекомендовал того своим единомышленникам. В итоге нам пришлось дважды подкупать папских нотариев, архидиаконов и римский плебс голосовать за Бонифа-

ция, мы сами согласились на него, лишь бы Рим не выбрал более оголтелого формозианца типа Теодора, – весьма хладнокровным тоном сказал Сергей.

– И где результат? Вот он результат, пока мы с вами тайком от тевтонских глаз встречаемся в родном для всех нас Риме, этот старый мешок сидит на троне, привечает варваров и наверняка вновь пьет вино во славу Бегемота³⁰!

Епископы шустро осенили себя крестным знаменем.

– Полно, святые отцы, во славу кого же он может еще пить? Вы лучше ответьте, почему выделенные мной и Адальбертом деньги не помогли взойти на трон человеку близкому сполетскому дому?

– Вы знаете, герцогиня, что мы всегда верны интересам Рима, Сполето и Италии. Но среди нас не нашлось достойной кандидатуры на апостольский престол!

– Как? А, например, кто-то из вас? Кто же, как не вы, олицетворение духовности и высших идеалов церкви? – грубо польстила Агельтруда, сама не слишком веря своим словам.

– Согласно церковным канонам, ни я, ни достопочтенный брат Стефан, не можем претендовать на титул раба рабов. Ваш покорный слуга епископ славного города Чере, а брат Стефан ведет ко спасению паству Ананьи.

– И что? Формоз был епископом в Порто, но ничто не помешало ему заполучить себе тиару, мало того, на него в свое время было наложено отлучение!

---

³⁰ Сатаны

– Да, но стоит ли нам брать в подобие себе столь грешный пример? – нарочито смиренно опустил глаза в пол Сергей.

– Не смешите меня, Сергей, – фамильярно оборвала его Агельтруда, – все мы грешны перед Богом. Старый пройдоха Формоз глумился над церковными канонами, прячась за облик девственника. Вы, стало быть, поступаете наоборот.

– Это все сплетни, Агельтруда, – осклабился Сергей, – плоть моя держит столь же строгий пост, как и ныне гниющая плоть грешного Формоза.

– Ну, тогда немного греха вам точно не повредит. А переход с одной епископской кафедры на другую навряд ли большой грех. Что на сей счет говорится в Священном Писании?

В диалог вмешался Стефан, ибо ход разговора вдруг перестал ему нравиться.

– Данный вопрос регулируется правилами Церкви и не ведет к гибели души, герцогиня. А брат Сергей, несомненно, обладает значительными качествами, чтобы стать, если на то будет угодно Господу, достойным наместником Апостола в мире! Возможно, мы все были излишне щепетильны при выборе нового понтифика и предпочли закрыть глаза на интронизацию иподиакона, лишь бы никто со стороны не обвинил нас в нарушении прочих церковных канонов. Однако, на данный момент Сергей практически неизвестен Риму и потребуются немало усилий и средств, чтобы плебс голосовал за него. Вот если бы .....

– Вы! – не то перебила, не то договорила Агельтруда, – вы,

Стефан, именно вы, которого давно и с наилучшей стороны знает Рим!

Настала очередь уже Стефана изображать паиньку и изучать глазами пол в гостиной.

– Я давно уже не служил в Риме, город мог забыть меня – кротко молвил он.

– Его высокопреподобие стал бы наилучшим вариантом для Италии и всего христианского мира, – поспешил выкинуть белый флаг Сергей. «В конце концов, Агельтруда права, а Стефан уже немолод и мне действительно не помешало бы приобрести в Риме определенный авторитет, а пока пусть этот старец попробует выпихнуть Бонифация с трона, а германцев из Рима», – подумал он при этом.

– На чью помощь мы сейчас можем опереться? – спросила Агельтруда.

– На всех сразу и ни на кого в отдельности. Ни Адальберт, ни Беренгарий не испытывают теплых чувств к новому папе. Ваш брат Радельхиз из Беневента и византийский кесарь сейчас более обеспокоены набегами сарацин, к тому же для константинопольского патриарха всегда чем хуже в Риме, тем лучше ему самому, – бегло нарисовал политическую карту тогдашней Южной Европы Сергей.

– А церковь?

– Здесь несколько сложнее. Священники Роман и Теодор, поддерживающие Бонифация, имеют слишком большой авторитет среди прочих отцов Церкви. Тратя деньги на подкуп

кардиналов и пресвитеров, мы преследовали цель прежде всего не допустить к трону Апостола кого-то из этой парочки. Думаю, теперь придется постараться сделать так, чтобы оба они были как можно дальше и дольше вне Рима. Что если, например, направить их к кесарю с приветственной буллой от нового папы? – у Сергия явно был заранее заготовлен план на эту тему.

– Вся поддержка Бонифацию тогда сведется к римскому гарнизону Фароальда, – продолжил он, – Что до Арнульфа, то, по слухам, его болезнь прогрессирует, а его Каринтии приходится отбиваться от венгров, вновь вспомнивших, что они сыновья Аттилы.

– Иными словами, нам мешают всего лишь триста германцев Фароальда? Почти как триста спартанцев, – воскликнула герцогиня.

– Именно такую роль им вполне по силам сыграть, – возразил Сергей, – К тому же не забывайте, что под началом Ратольда находится еще почти тысяча воинов и для того, чтобы взять город, сполетцам необходимо мобилизовать по меньшей мере три тысячи копий. Рим всегда любил папу, и слово папы здесь ценится на вес золота. Если молниеносный штурм Рима не закончится удачей, на следующий день весь Сполето будет отлучен от церкви. Я уже не говорю о том, что Сполето сейчас просто не по средствам нанять столь многочисленное войско.

– Но есть ли в Риме силы стоящие против Бонифация?

– И префект, и *magister militum*³¹ Рима – верные слуги папского престола. Высшим чинам города незачем идти на риск из-за проблем чуждого им Сполето. Искать надо среди голодных или обделенных, – насмешливо сказал Сергей.

– Что до денег, то нам, как всегда, не обойтись без помощи Адальберта, – веско добавил Стефан.

– Да уж, придется снова идти на поклон к этому тосканскому лису, – согласилась Агельтруда, – Хвала Христу, он не честолюбив и не стремится на первый план. Но деньги, думаю, он найдет.

– Да, но ограниченно и не на долгую кампанию.

После некоторой паузы Агельтруда решилась сказать то, что боялись произнести все участники разговора.

– Триста спартанцев не смогло одолеть огромное персидское войско. Но они пали благодаря измене всего лишь одного человека, поведшего персов другим путем. У нас тоже есть обходной путь. И на этом пути нам преградой всего лишь один человек. И он нам мешает.

– Герцогиня, о чем вы? Побойтесь Бога! – лицемерно заломили руки к небесам епископы, – невозможно допустить, чтобы трон Петра вновь оросила кровь его наместника! Пусть папа Иоанн Восьмой станет первым и последним понтификом, умершим не своей смертью! Рим просто сметет в своем гневе всех возможно причастных к такому злодеянию!

---

³¹ Глава городской милиции

– В мире есть достаточно орудий, чтобы ускорить встречу человека с Богом. Молот не единственное средство, – пропустив мимо ушей все стоны епископов, заявила Агельтруда, резкие черты ее лица еще более ожесточились, – И всем заинтересованным сторонам необязательно в этот момент находиться в городе. Но они должны быть готовы мгновенно восстановить в Риме порядок, буде таковой нарушится, если вдруг папу позовет к себе Всевышний.

– Своей внезапной смертью Формоз преподнес нам последний сюрприз, на которые он был так щедр во все время своего правления. Мы оказались просто не готовы перехватить ситуацию. Второй раз мы не опростоволосимся и не выбросим деньги на ветер, – с решимостью заявил Сергей.

– Очень на это надеюсь. Обеспечьте же достойно все стороны дела. Мы с моим сыном будем все это время ждать новостей неподалеку от вас. И найдите, наконец, нам второго Эфиальта³², – этим Агельтруда закончила разговор.

На следующий день Стефан и Сергей нанесли визиты своим сторонникам, по сию пору находившимся в Риме, а именно епископам Петру из Альбано и Стефану из Орты. Не посвящая их в тонкости дела, они лишний раз удостоверились в верности этих священников интересам сполетской партии. Следующим на их маршруте оказался граф Адальберт из Тосканы, без чьих финансов вероятность положительного

---

³² *Предатель, во время знаменитого Фермопильского сражения 480 г. до н.э., показавший персам путь в тыл спартамцам Леонида*

исхода предприятия значительно уменьшалась. Адальберту, само собой, тоже было сообщено далеко не все, для епископов главным было заручиться поддержкой тосканского дома и лично графа, чью щедрость римские граждане очень высоко ценили. Помимо этого Адальберт нежданно дал им весьма важные рекомендации. Отвечая на вопрос Сергия о том, кто из римских граждан может быть полезен задуманному делу, Адальберт, лежа на кушетке и время от времени пригубливая вино, вальяжным тоном предложил следующее:

– Не ищите, мои богобоязненные друзья, помощи среди окружения римского префекта. Хотя бы потому, что каждый их шаг контролируется шпионами Фароальда. В таких тонких делах, какие вы задумали, нет лучше исполнителей, чем греки. А среди них рекомендую Теофилакта. За него мне и, соответственно, вам, головой поручился сполетский, что немаловажно, барон Альберих. Теофилакт его большой друг, кредитор и собутыльник, а главное, что он человек новый, нашими интригами еще не испачкан, но ум его ясен и изошрен. В случае неудачи, его к тому же не жалко будет потерять. Но он очень старается понравиться Риму.

– Мне кажется, особенно старается понравиться Риму его жена, – с улыбкой заметил Сергий.

– О да, – по-кошачьи зажмурился Адальберт, – недавно я был у них в гостях. Его Теодора приветлива и соблазнительна. Не знаю как Риму, а Тоскане она уже нравится.

– По-моему, и в уме сей благородной гречанке не отка-

зять? – поинтересовался Стефан.

– Ни в малейшей степени. Вы не знаете, в Константинополе быть может все такие? – состроив наивную мину спросил Адальберт.

Возвращаясь от радушного тосканца, епископы долго обменивались впечатлениями. Наконец, благодаря убедительной аргументации Сергия, заговорщики пришли к решению действительно остановиться на кандидатуре Теофилакта в качестве своего рода резидента в Риме и основного проводника сполетских идей. Стоит, тем не менее, отметить, что Стефан прохладно отнесся к энтузиазму соратника. Хмуро соглашаясь с ним, Стефан интуитивно чувствовал, что его друг рассказывает об этом греческом семействе далеко не все, что знает.

И вот вечером 11 апреля носилки обоих епископов остановились возле добротного дома на авентинской окраине Рима, не слишком далеко от пределов крепостных стен. Хозяева дожидались высоких гостей с необыкновенным трепетом, шестым чувством ощущая, что этот визит может сулить для них долгожданные карьерные перспективы.

После обильного ужина, где повара хозяев постарались продемонстрировать все свои таланты, в том числе в области арабской и африканской кухонь, все слуги были удалены, маленькую Мароцию повел за собой в сад десятилетний паж Сергия по имени Анастасий, и в большой гостиной зале епископы и хозяева остались тет-а-тет.

Хозяину дома, Теофилакту, на момент описываемых событий было слегка за тридцать. Все в нем выдавало человека спокойного и рассудительного, предпочитавшего скорее лишний раз смолчать, чем произнести необдуманное слово. Жизнь при дворе кесаря поневоле учила умению правильно и трезво расставлять приоритеты и организовывать союзы. Людей, допустивших просчеты, Константинополь наказывал моментально и жестоко. Только благодаря этим, отчасти дарованным судьбой, отчасти благоприобретенным качествам, Теофилакту удалось с минимальными потерями покинуть свою родину, после того как однажды его карта не сыграла. Приняв участие в аванюре царедворцев против Льва Шестого в пользу его брата Александра и потерпев поражение, Теофилакт не только остался жив, но и сохранил обширные связи с видными представителями тогдашнего византийского двора. Пробыв какое-то время в Неаполе, два года назад Теофилакт приехал в Рим. Поступив на службу в местную милицию, он со своей женой мигом окунулся с головой в водоворот интриг и событий, окутавших тогда Вечный город. Благодаря своим мужественным манерам (а Теофилакт обладал несомненными воинскими доблестями, что и доказал в военной кампании против болгар), а также такту и рассудительности, он быстро завоевал уважение придиричивых и высокомерных римских патрициев.

И все же Теофилакт так и оставался бы на вторых ролях, на ролях уважаемого, но все же исполнителя чужих страстей,

если бы не его жена Теодора. Теодоре в то время было двадцать два года. Высокая, с длинными черными волнистыми волосами, с завораживающими глазами цвета египетского изумруда, с четкими, но не резкими чертами лица, побуждавшего мужчин на сумасшедшие подвиги, она невероятным образом приковывала к себе внимание. К тому же она обладала знаниями, невиданными для женщин того времени. Теодора не только владела латинской и греческой грамотой, что уже было качеством экстраординарным, она привезла с собой значительный багаж каких-то необычных для жителей Рима вещей, устройств и материалов. Злые языки немедленно заподозрили Теодору в ворожбе, впрочем, в ту пору это не считалось столь тяжким преступлением, каким оно станет спустя триста – четыреста лет. Зато также быстро по Риму распространились сведения о том, что Теодора владеет блестящими познаниями в медицине, и нет нужды лишней раз говорить, что некоторых знатных сеньоров, наподобие Адальберта Тосканского, после этого немедленно начали одолевать разного рода недуги, очень быстро излечимые нежными ручками восхитительной гречанки.

Стоит отметить, что к популярности своей жены среди других мужчин Теофилакт внешне старался относиться спокойно. Ему даже немало льстил тот факт, что среди прочих Теодора в свое время остановила выбор на нем. Также он прекрасно видел, что красота жены позволяет ему открывать двери самых знатных и влиятельных домов обеих империй

христианского мира. И в то же время наивно будет полагать, что ревность обходила его своим вниманием.

Вот и сейчас Теодора слишком фамильярно, учитывая статус гостей, решила возлечь на удобном мягком диване. Белое платье ее было выткано из тончайшего арабского шелка, пожалуй, даже чрезмерно тонкого, чтобы оставить дух епископов таким же смиренным, каким он был при входе в дом. Однако обильный ужин и крепкое армянское вино вскоре позволили почтенным служителям Церкви не прятать глаза при разговоре с ней.

Прежде всего, хозяева дали понять, что они всецело на стороне сполетского дома. Епископы с еще большим удовлетворением закивали головами, когда Теофилакт подтвердил, что в его дружину входит порядка тридцати греков, хорошо обученных ратному делу и преданных лично ему.

– Мы знали, что найдем в вашем лице верного слугу Рима и Италии, – с пафосом сказал Стефан.

– Но Рим охраняется сильным баварским гарнизоном, и мы, как смиренные слуги Господа, не можем позволить, чтобы, пусть и для благого дела, холмы Рима в который уже раз оросила кровь, – продолжил Сергей.

– Столь обильная кровь, – с ударением добавил Стефан.

Первой, как обычно, сообразила что к чему Теодора. Для начала она сделала вид, что просто меняет тему наскучившего ей разговора.

– Наш новый понтифик мне показался человеком чрезвы-

чайно добродушным и мягким.

Епископы молча сопели, отказываясь поддержать слова Теодоры, а та, пряча улыбку, внимательно наблюдала за их мимикой.

– Наши недостатки начинаются там, где добродетель преступает норму, – продолжала она.

– И становится нашей слабостью, – решил добавить Сергей.

– Слабостей у нового понтифика более чем достаточно, – прервал свое молчание Стефан, его слова звучали безапелляционным приговором.

– Не вижу оснований не верить вашим словам, ваше предположение. Но моему глазу стало заметно, что папа лишь падак на чревоугодие и вообще склонен к эпикурейству, не так ли? – голос Теодоры был еще одним ее качеством, она говорила по-кошачьему мягко, почти полупшепотом и всегда, всегда при этом мило улыбаясь и как бы невзначай показывая кончик розового язычка.

– Если бы не воля Господа, наказавшего наш город присутствием чужеземцев, Бонифациус так бы и продолжал чистить перья приспешникам Формоза, – лицо Стефана при имени скончавшегося папы всякий раз мучил нервный тик.

– Но к чему могут привести действия человека, незаслуженно занимающего столь ответственное место?

– Что Римом вновь будут править невежественные варвары с другой стороны Альп, слово истины, исходящее из

Рима, будет становиться все тише, и цивилизация мира замкнется вновь в Константинополе, – Сергию была свойственна высокопарность в речах.

– Константинополь всегда умел решать такие проблемы быстро и... почти бескровно.

– Весьма наслышаны об этом ..... За этим мы и пришли.

Воцарилось молчание, долгое и нервное, собеседники беззвучно тянули вино, с хрустом разгрызали фрукты и орехи, и безостановочно вели во всех направлениях стрельбу глазами. Стороны, понятное дело, не до конца доверяли друг другу. Теофилакт первым нашел оригинальный выход из создавшегося неловкого положения и к исходу тишины слегка нагрузился вином, в результате чего славного воина, несмотря на столь ответственный разговор, начало очевидно клонить ко сну. Уж не больше ли чем надо ему подливала вина его дражайшая супруга?

Время приближалось к полуночи. Собравшиеся разорвали тишину, но обменивались малозначащими фразами. Обстановка оставалась слегка напряженной. Очевидно, Теодора обдумывала все «за» и «против» и медлила с решением. Кроме того, проницательный Сергей заметил, что с приближением ночи гречанка почему-то начала немного нервничать и взгляд ее все чаще уносился за окно гостиной.

«Уж не ждешь ли ты кого-то еще, милая?» – осенило Сергия. И он первым пошел в атаку:

– Рим говорит, что вы, любезная Теодора, весьма сведущи

в целебных настоях и снадобьях.

– Господь сделал мир настолько многообразным, что думать так о своих познаниях было бы гордыней с моей стороны, – в стиле Сергия высокопарно заметила Теодора.

– Ваши слова добавляют вам достоинств, и все же есть ли, к примеру, что-то, способное предотвращать пагубную страсть к чревоугодию? Мне сей грех, так же как и вам, представляется в характере нового папы наиболее заметным и привлекающим внимание.

После некоторой паузы Теодора поднялась со своего дивана. Встали и оба епископа. Сидеть остался Теофилакт, глаза которого понемногу, что называется, сваливались в кучу.

– Я постараюсь разыскать что-нибудь, отвечающее вашим запросам, святые отцы. Я поняла, что вас это сильно тяготит и лишает покоя. В свою очередь, надеюсь, что старания моей семьи не останутся без благодарения небес.

Насчет «небес» уже было явно излишне. Стефан ханжески поморщился при этом, но в душе своей ликовал. Эта новая Юдифь³³ приняла их приглашение и сделает все в лучшем виде! А если что не так, то и невелика будет потеря, гнев римлян, при разоблачении Теодоры, умелой рукой возможно будет направить против чужеземцев вообще и греков в частности.

– Небеса творят свою благодарность посредством земных

---

³³ Библейский персонаж, спасшая свой город от ассирийцев путем убийства их вождя Олоферна.

владык, управляющих миром по их волеизъявлению и милости. Правители земли сей готовы оценить ваши старания с присущей им благодарной щедростью, – Сергей произнес слова, которых более прочих жаждали слышать Теофилакты.

Подведя черту под разговором, епископы покинули гостеприимный греческий дом. До порога их проводила Теодора. Теофилакты, к тому моменту уже спящего, понесли в свои покои слуги. Стефан, довольный результатами дня, приказал нести свой паланкин домой.

Но для Сергея день еще не закончился. Направившись на своих носилках прочь, он вскоре приказал слугам перенести его за другую сторону живой изгороди, растущей вдоль дороги, ведущей к дому Теофилактов, погасить факелы и замолчать. С этой позиции ему хорошо была видна не только дорога, но и окна гостиной дома, который он только что покинул. Окна оставались освещенными.

«Ну-ну, прекрасная ведьма, посмотрим, кого ты дожидаться в столь неурочный час. Пылкого любовника, с которым ты наставляешь рога своему простодушному мужу? А может, ты и вовсе решила затеять опасную игру на два фронта? Тогда я не завидую ни себе, ни старому пню Стефану. Все может обернуться очень скверно!»

Долго ждать не пришлось. К дому Теофилактов подкатила колесница. Гербы на карете и на конских пополах были тщательно закрыты плотной тканью. Очевидно, их владелец старался сохранить инкогнито. И Сергей уже совсем не по

сану помянул было Люцифера, как вдруг его прищуренные глаза и ясная память подсказали, что эту же четверку лошадей он накануне уже где-то видел. Сомнений нет, видел, видел во дворе тосканского маркграфа! Спустя минуту погас огонь в окнах гостиной.

«Эге, да это же Адальберт! Ну что же, уже легче. Во всяком случае, пока мы все делаем одно дело. А тосканец не промах, такая фемина займет достойное место в его коллекции амурных трофеев. Ну и Теодора какова! Стратег, политик, ведьма, врач и в довершение всего настоящая шлюха!»

Эпизод 3.

1649-й год с даты основания Рима, 10-й год правления базилевса Льва Мудрого, 4-й год правления франкского императора Ламберта (14 апреля 896 года от Рождества Христова)

Вновь переносимся в Латеранский дворец и застаем там папу Бонифация за обеденным столом в минуту тишины и умиротворения. Злословие насчет его аппетита действительно было небеспочвенным, хотя среди примечательных людей любого времени сей порок всегда был, увы, распространен и в этом папа был не оригинален. Хвала Господу, позади, вместе с погребением Формоза и его собственной коронацией, остались пасхальные праздники, а, стало быть, можно было наконец-то со всей широтой души и с подключением всех скрытых резервов тела вкусить чудесных творений рук Бо-

жьих и человеческих, созданных для нашего с вами насыщения.

Бонифаций пребывал в состоянии редкостного благодушия. Остались позади все его страхи, связанные с борьбой за Святой престол, враги в большинстве своем находятся за пределами Рима, все получилось у него на загляденье гладко и спокойно. В такие минуты любишь всех людей мира, каждый человек внушает умиление одним своим существованием и, кажется, что и на Земле есть место райским кушам. А что может быть лучше, когда твоего внимания и участия просит обворожительная женщина, смутившая робкое сознание понтифика еще во время его коронации!

На седьмое небо воспарил Бонифаций, когда ему доложили о визите Теодоры. Просить, просить, непременно просить сейчас же, вот только прежде подать тазик с водой, чтобы смыть со своих пальцев остатки аппетитной дичи! И вот уже сама эта нимфа, с его любезного разрешения, садится за его стол, чтобы разделить его скромную трапезу. Впрочем, называть стол понтифика «скромным» сегодня постеснялся бы даже сам Луций Лициний Лукулл³⁴ !

– Склоняюсь перед лицом наместника Святого Петра и благодарю его за позволение занять несколько минут его драгоценного времени, – ответствовала Теодора.

– Выпейте моего вина, прекраснейшая из моих поддан-

---

³⁴ Луций Лициний Лукулл (117-56 гг. до н.э.) – римский военачальник, чьи пиры прославились своим изобилием.

ных, – слегка задыхаясь от переедания и стараясь подавить в себе банальнейшую отрыжку, произнес папа.

Теодора улыбнулась, и папа растаял окончательно. Он начал недовольно коситься на пинкерниев³⁵, назойливо суетившихся возле него и, быть может, непозволительно дерзко на востривших уши.

– Если вы не против, любезная Теодора, пройдемте в мои покои, там я выслушаю вас. Признаться, я привык после обеда ненадолго прилечь. Моя тучность не позволяет мне больших физических нагрузок.

– Ваша тучность, прежде всего, говорит о благом расположении духа. Во всяком случае, я еще ни разу не видела порочных людей, обладающих тучным телосложением.

Действие переместилось в соседнее помещение, где располагалась бархатная папская кушетка, возле которой стояли два кресла для таких вот послеобеденных посетителей. Кушетку от кресла отделял изящный арабский столик, судя по всему подарок, пришедший из византийских земель. На столике стояли кувшин с вином и фрукты. Бонифаций взгромоздился на кушетку и предложил Теодоре занять одно из кресел.

– Целью моего визита к вам, Ваше Святейшество, на самом деле являлось всего лишь стремление засвидетельствовать расположение семьи Теофилактов владыке Рима. Мы здесь люди новые и доверие к нам должно быть подтвержде-

---

³⁵ чашников, стольников

но заверениями с нашей стороны в нашей полной покорности Римской церкви и отсутствии связи с еретиками.

Вот оно как! Неплохая косточка брошена папе. После того как Византия потеряла Рим, епископы Рима и Константинополя все более отчуждались друг от друга, а за сорок лет до описываемых событий разразился первый серьезный конфликт между папой Николаем и патриархом Фотием³⁶, ставший предтечей грядущего разделения церковей. Поэтому признание верховенства Рима даже из уст всего лишь представителя мелкотравчатой знати звучало приятной музыкой для папы. И опять же, не будем забывать, из каких оболстительных уст эта музыка извергалась!

– Расскажите о себе и своей семье, Теодора.

– Род Теофилактов никогда не относился к высшей знати Аргосской империи³⁷, хотя имеет древнюю историю, и со времен великого Юстиниана³⁸ находится на хорошем счету у кесарей. В основном, это были воины, прославившие себя в битвах с сарацинами и болгарами. Родовое имя Теофилактов находилось в пригороде Константинополя, на самом берегу Босфора. Я же сама из никейского рода Диомидов. Наша свадьба состоялась десять лет назад, когда мне было всего двенадцать. Наши семьи давно вынашивали идею по-

---

³⁶ Фотий (ок. 820-896), богослов, константинопольский патриарх в период 858-867гг. и 877-886гг., причислен к лику святых Православной церкви

³⁷ Византия

³⁸ Юстиниан Первый (483-565), византийский император (527-565)

родниться, поэтому заключение союза между нами произошло к полному удовлетворению всех и подкреплялось нашими взаимными чувствами друг к другу.

Бонифаций кивал ей головой, блаженно улыбаясь. Мурлыкающая речь гречанки стала отличным дополнением к тому, что уничтоженному великолепию обеда и папу начало неумолимо тянуть ко сну.

– Но скоро удача изменила нам, и мы вынуждены были покинуть родину. Началось все с того, что мой супруг принял сторону Фотия в его конфликте со Львом. Такие конфликты очень часты в Константинополе.

– Да, да, нам всегда прискорбно это слышать.

– Да, и коварство тамошних интриг поражает воображение. Скандалы могут достигать такого масштаба и принимать столь ожесточенный характер, что порой нельзя доверяться ни жене мужу, ни сестре брату своему. Каюсь, святой отец, моя роль в этом деле была столь же очевидной, сколь и постыдной. Господь Вседержитель подарил мне привлекательную внешность ...

– Более, чем привлекательную, – не к месту брякнул папа, к тому моменту почти уже смежив веки.

– И этот подарок стал мне в значительной степени испытанием.

– Не стоит так говорить, дочь моя. Бойтесь подобными речами вызвать гнев Промыслителя Вселенной.

– Я вам расскажу далее, и вы, быть может, где-то поймете

и простите меня. Едва кесарь сменил свой гнев относительно нашей семьи на милость, как евнухами Марием и Фокой мне было приказано войти в расположение Льва и постараться стать при нем осведомителем.

– Что значит «приказано»?

– Эти люди знали обо мне то, что мне хотелось бы скрыть и сейчас.

Глаза Бонифация открылись. Чревоугодие оказалось не единственной слабостью понтифика.

– Но вы сию минуту перед епископом Рима и властью, данной мне Богом, заверяю вас, что ваша тайна не выйдет за пределы этих стен. Если вы искренне жаждете от меня помощи и расположения, у вас не должно быть сокрытых от меня тайн. Помните, с кем вы в данный момент разговариваете и каково происхождение моего сана. Моими устами говорит сам Святой Апостол и в моем праве просить его пред Господом о снисхождении к вам.

– Я страшно согрешила перед Господом, – Теодора намеренно тянула паузу, распалая любопытство папы все более, тому уже не так хотелось спать.

– Каким же образом?

– Таким, каким грешат жены перед своими мужьями.

Из всех возможных грехов, совершенных Теодорой, этот более прочих лишал остатков сна.

– Так-так! И кто явился этим... – «счастливец» чуть было не сказал папа, но опомнился, – ...эээ...искусителем?

– Мне так тяжело об этом говорить. Я живу с этим грехом уже семь лет.

– Вам станет значительно легче, если вы окончательно снимите этот грех с души и доверитесь мне

– Он был ... солунским архиереем³⁹. А мне было пятнадцать лет.

Бонифаций окончательно вышел из-под влияния Морфея.

– Так вот в чем причина внезапного пострига отца Мефодия⁴⁰!

– Вижу, Ваше Святейшество, насколько вы потрясены. Мои грехи не позволяют находиться рядом с вами, дабы ничто не опорочило ни вашего сана, ни святость этих стен. На родине меня прозвали никейской шлюхой, и я вполне заслужила это.

– Послушайте, а ваш муж знает об этом?

– Мне кажется, что он с усилием старается сделать вид, что считает это все злословием своих противников. Так или иначе, но в наших чувствах появилась трещина, которая навряд ли когда-нибудь исчезнет. Мой муж благородный и рассудительный человек, отважный воин, я недостойна его мизинца. Но под угрозой окончательной компрометации, я

---

³⁹ Архиерей – высший сан православной христианской церкви. Соответствует епископу в католицизме.

⁴⁰ Мефодий (?-?) – архиерей солунской (фессалоникийской) митрополии в 889г.

пришла во двор Льва.

– И.....

– К счастью или к горю, но кесарем Львом вскоре был раскрыт заговор, готовившийся в пользу его брата Александра. Лев подверг пыткам многих подозреваемых в этом деле, и о моих намерениях его предупредили заранее. Предупредили те же самые евнухи, которые перед угрозой разоблачения наперегонки пытались спасти свою шкуру. Благодарение Богу, что они на дыбе не сказали больше, чем было на самом деле, мне удалось спасти свою жизнь и оказаться здесь перед вашими святыми очами и в полной вашей власти. Скажите, могу ли я рассчитывать на ваше снисхождение?

– Не на мое, но на Божье снисхождение может рассчитывать даже самый заблудший человек. Бог для нас ведь такой же строгий родитель, какими мы являемся для наших детей, причем родитель лишенный суетных помыслов. Но, как бы ни был строг родитель, его сердце всегда готово умилиться, когда он видит искреннее раскаяние своего ребенка! Ведь так?!

– Мне так хотелось бы в это верить!

– Господь услышит душу, не упорствующую в грехе своем. К вашим искренним молитвам Создателю всего сущего я добавлю и свое прошение за вас.

– Благодарю вас, святой отец. Вы сняли с моей души тяжкий груз, отравлявший все мое существование и не позволявший радоваться подаренной мне Господом жизни. Что я

могу сделать и какие дары принести вам?

– Опять же, не мне дочь моя, но Господу, одному ему. Молитесь и просите прощения, совершите паломничество к мощам великих святых, держите в строгой чистоте тело и душу, и Бог услышит вас.

– Может, стоит задуматься о пострижении в монастырь? Моя душа настолько слаба, а мир настолько полон соблазнов, – случайно или нет, но плащ в этот момент оголил ногу гречанки почти что до колена.

– Зачем же, – папа отвел взгляд, – .....мир лишать столь .... столь совершенной...красоты?

Теодора задумалась.

– Вы помните, как Мария Магдалина пришла ко Христу?

– Станный вопрос, дочь моя, конечно.

– Разрешите мне, падшей грешнице, омыть ноги тому, кто внес в мою душу мир и спокойствие, был так строг и убедителен.

Бонифаций был до глубины души смущен и польщен одновременно. Теодора опустила на колени перед ложем папы и охватила его ноги, свисавшие с кушетки.

– Что вы делаете, Теодора? Перестаньте, я вам приказываю, – у папы начало перехватывать дыхание, и густая краска прилила к его лицу.

Она покрыла ноги папы поцелуями

– Распорядитесь принести воды и ароматических масел.

Бонифаций собрался было хлопнуть в ладоши и воззвать

к слугам, но Теодора прервала его:

– Вы хотите, чтобы ваши слуги видели это? Меня это несколько смущает.

– Вам тоже звать моих слуг не с руки. Придется все сделать самому, – это было то, что нужно Теодоре.

Понтифик кряхтя сполз с кушетки и вошел в придворную, где приказал слугам принести таз, воду и византийские мыла и оставить их перед покоем.

– Я сделаю все сам.

Слуги за десять дней нового понтификата уже начали немного привыкать к чудачествам Бонифация, в числе которых была, в частности, привычка в полном одиночестве обильно ужинать прямо в своей спальне. Пожав плечами, они выполнили его приказания. После этой аудиенции самые невероятные слухи о визите Теодоры к Бонифацию были обеспечены. Но это ничуть не беспокоило Теодору. Она четко знала, что делает, и с нервами у нее было все в порядке. Воспользовавшись тем, что папа был занят хлопотами с этим проклятым тазом, кандидатка в новые Магдалины перво-наперво аккуратно прорвала маленьким кинжалом шов папской подушки, лежавшей на кушетке. Затем она достала из своего кошелька шарик свиного пузыря, проткнула его тростниковой трубкой и недрогнувшей рукой быстро ввела жидкость, содержащуюся в пузыре, в папскую подушку. Дело было сделано.

Но свою роль кающейся грешницы надо было доиграть до

конца. И ноги понтифика были Теодорой не только вымыты, но и, в соответствии с евангельским сюжетом, высушены ее же собственными волосами, что привело Бонифация в совсем уже щенячий восторг. Он в равной степени умилялся как наблюдаемому им раскаянию после столь чудовищного грехопадения, так и своей назидательной роли при этом. Вероятно, здесь была немалая гордыня, но Бонифацию некогда было об этом думать. Тем более что у восседавшего над склонившейся Теодорой понтифика была прекрасная диспозиция для созерцания временами обнажавшейся груди шальной гречанки, занятой вытиранием святейших ног.

– На этом разрешите мне, святой отец, еще раз поблагодарить вас за любовь и участие, проявленные ко мне, и удалиться.

– Вы всегда можете рассчитывать на защиту епископа Рима, дочь моя. Кстати, мне было бы любопытно познакомиться с вашим мужем и вашей прелестной дочерью.

– Почту за высочайшую честь, святой отец. У вас большое сердце. Еще раз благодарю за уделенные мне время и внимание.

– Насчет времени вы заметили верно. Вы лишили меня послеобеденного сна, – пошутил напоследок Бонифаций.

«И это к лучшему. Тем менее будет подозрений, если вы отложите встречу с вашей подушкой на сутки», – Теодора, поклонившись и облобызав полу папского плаща, удалилась.

С момента интронизации Бонифация Шестого прошло

десять дней.

Эпизод 4.

1649-й год с даты основания Рима, 10-й год правления базилевса Льва Мудрого, 4-й год правления франкского императора Ламберта (14-19 апреля 896 года от Рождества Христова)

Остаток дня 14 апреля Бонифаций провел в делах, продолжая разбираться в непростом наследии, которое так внезапно и несвоевременно оставил ему Формоз. Только-только начали прибывать грамоты от близлежащих европейских дворов, приветствующих его восхождение на трон епископа Рима. Нотарии и асикриты⁴¹ работали без перерыва, отвечая на поздравления многочисленных корошков и графов в высокопарном и многословном стиле того времени, причем значительная часть изводимых ими пергаментов отводилась на перечисление титулов автора и адресата. Бонифаций немного досадовал на себя за то, что на днях отпустил своих друзей Теодора и Романо Марина с миссией в Константинополь, они ему сейчас невероятно бы помогли. Впрочем, представлять свою особу при дворе кесаря он не мог доверить абы кому или тем паче формозоненавистникам. Поддержку кесаря, чьи владения начинались в то время всего сотней миль южнее Рима, сложно было переоценить и уж, по крайней мере, она была много вероятнее и оперативнее, чем

---

⁴¹ секретари

помощь Арнульфа, ушедшего далеко на север.

Ложась в постель после трудного дня, Бонифаций не мог сдержаться и перед сном допустил себе немного греховных мыслей по поводу дневного визита прекрасной гречанки. С этими же мыслями он встретил и рассвет следующего дня. Входя все более во вкус своей новой роли в этом мире, он уже начал понемногу удивляться всем своим прежним страхам, так активно посещавшим его в момент коронации.

Проведя первую половину дня в церковных службах и порядком утомившись, Бонифаций вознаградил себя более обильным, чем обычно, обедом и с наслаждением отдал себя в объятия Морфею. Однако дневной сон, вопреки ожиданию, не принес умиротворения его душе. Встав с ложа с нудной головной болью, Бонифаций неприятно поразил слуг дурным настроением, вскоре вылившимся в нелепые придирки. Предоставив архидиаконам⁴² полномочия самим разбираться в текущих делах церкви и Рима, он отказался также удостоить аудиенции епископа Ананьи, ворчливо и при слугах посоветовав тому отправиться в преисподнюю. В заключение, принеся в жертву больше, чем следовало, неаполитанского вина, он изволил заснуть на свою беду на том же ложе, возле которого он накануне встречал Теодору.

Ночь выдалась трудной для приближенных папы. Разбуженные среди ночи криками понтифика они долго не могли оказать ему сколь-либо действенной помощи, в суматохе но-

---

⁴² кардиналам

сясь по дворцу. Папа жаловался на боль в животе, начавшийся кровавый стул и страшную одышку. Медицина того времени в Западной Европе влачила самое жалкое существование. Все достижения врачей Рима, Греции и Египта античных веков осели в большей степени в библиотеках Византии, лекарей повсеместно заменили священники, а сами лекарства – усердные молитвы Всевышнему. Утренние службы не улучшили состояние Бонифация, произведенное отворение крови также не оказало ровным счетом никакого действия. Кровь, начавшаяся сочиться из глаз понтифика, и странные пятна, появившиеся на теле к вечеру, незамедлительно вызвали подозрение свиты Бонифация в совершенном отравлении.

Слухи по городу об отравлении папы распространились со скоростью молнии. Народ постепенно начал стекаться к Латеранскому дворцу, судача о возможных причинах произошедшего. Версия об убийцах из Сполето была отринута моментально, никого из них не было в городе. Епископ из Ананьи, получив отказ во вчерашней аудиенции, сам того не подозревая, также приобрел железное алиби. Другое дело красавица-ведьма Теодора, заглянувшая к папе днем ранее. Но понтифик, сохраняя ясность ума и памяти, сам отвел все подозрения относительно нее, заявив, что никаких даров от Теодоры не получал, а вино и фрукты были тщательнейшим образом продегустированы слугами. Описание процедуры омовения ног папой было благоразумно опущено.

но. В итоге Теодора из числа подозреваемых, пусть и не полностью и не всеми, все же была вычеркнута и даже, по мнению людей информированных и не лишенных логики, могла теперь стать одной из последних надежд папы, так как дом Теофилактов содержал ученейших врачей, а сама хозяйка, по слухам, обладала немалыми познаниями в медицине.

Теодора была допущена к Бонифацию на следующий день. Осмотрев больного на знакомом ей ложе, ибо слуги и врачи не перенесли папу в опочивальню из боязни ухудшить его состояние, она мысленно пришла к выводу, что дело на удивление близко к завершению. В итоге, отравительница великодушно подарила несчастному папе еще один день жизни, напоив его теплым молоком. Молоко ненадолго снизило боли, но уже следующим днем его действие уже не помогало, и папа Бонифаций Шестой скончался вечером 19 апреля 896 года, спустя всего две недели после своей коронации.

На следующий день, в Латеранском дворце, при бурлящем бескрайнем людском море, спешно прибывший епископ Остии ударом молотка расплющил кольцо Рыбака, которое было так торжественно нанизано на перст Бонифация полмесяца назад. Тем самым, епископ-камерарий возвестил об окончании недолгого правления сто двенадцатого понтифика. По своей кратковременности на тот момент этот понтификат уступил только удивительному понтификату папы Стефана, жившего за полтора века до Бонифация.

Сей несчастный скончался уже на третий день после своего избрания и не дожил даже до дня своей коронации, в связи с чем породил долгие споры о законности включения себя в список епископов Рима и нарушил дальнейшую нумерацию всех последующих пап под именем Стефан. «Достижение» папы Бонифация в части срока своего понтификата продержалось целых семьсот лет, почти до конца шестнадцатого века, когда папой избрали Урбана Седьмого, чье верховенство в католической церкви продлилось всего тринадцать дней и запомнилось только первыми гонениями на любителей американского табака.

Причиной же смерти незадачливого Бонифация была объявлена мучившая его много лет подагра, однако Рим был полон самых темных слухов и предположений. Большинство сходилось во мнении, что уже во второй раз в истории церкви (после уже упоминавшегося несчастного папы Иоанна Восьмого) римский епископ покинул мир насильственным путем. Сторонники этой версии получили бы явное подтверждение своим догадкам, если бы имели возможность сопоставить смерть папы со случившейся спустя две недели внезапной смертью здоровенного и пышущего здоровьем Матфея, члена одной из римских кузнечных школ, который активно участвовал в традиционном для того времени разграблении имущества скончавшегося папы и притащил в собственный дом, в качестве главного трофея всей своей жизни, папскую подушку, наполненную ядовитой ртутью.

Эпизод 5.

1650-й год с даты основания Рима, 10-й год правления базилевса Льва Мудрого, 5-й год правления франкского императора Ламберта (1 мая 896 года от Рождества Христова)

Сполетский двор первым получил известие о кончине Бонифация Шестого – настолько добросовестно сработали слуги Теофилакта. Опытный византийский царедворец, используя свои связи и свой пост архонта⁴³ первого римского округа⁴⁴, одновременно с этим выставил охрану на южных дорогах Рима с указанием задерживать под любым предлогом гонцов к отплывавшим из Неаполя пресвитерам Теодору и Романо Марину. Также в скором времени была обеспечена блокада северных дорог с целью предотвратить быстрое получение информации о смерти папы Арнульфом Каринтийским. Гонцы от Фароальда, командующего германским гарнизоном Рима, ежедневно выезжая из города, раз за разом на пути в Верону попадали в сполетские и тосканские засады и, увы, оканчивали свой жизненный путь. Фароальд, предчувствуя недоброе, удвоил посты охраны ворот Рима и временно лишил своих воинов выходных.

Спустя несколько дней после кончины Бонифация Рим вновь начал принимать высоких мирских и церковных го-

---

⁴³ Широкий византийский термин, обозначающий начальника

⁴⁴ Авентинский округ Рима,

стей. Из значимых сторонников Формоза в Рим прибыл только Иоанн из Тибура. Очень быстро оценив расстановку сил и, будучи человеком умным и осторожным, он отстранился от процесса выбора нового понтифика, предпочтя все свое время провести в молитвах о ниспослании Риму достойного кандидата. Что касается Теодора и Романа Марина, то они благополучно отплыли из Неаполя, даже не подозревая, что их тиароносный друг уже отправился в лучший мир. Прочие сторонники Формоза на тот момент не имели достаточного авторитета в Риме и предпочли за благо затаиться.

Зато уверенно и энергично вел себя сполетский двор. Агельтруда прибыла в Рим уже на третий день после смерти папы. Не утомив свою персону участием в поминальной службе по Бонифацию, она предпочла встретиться с Адальбертом, маркграфом Тосканы, в его великолепном дворце на знаменитой Широкой улице⁴⁵.

– Итак, милый граф, Господь призвал нашего несчастного недотепу Бонифациуса к себе. Столь малый срок его сидения на троне Апостола бросает тень на Рим, церковь и правителей Италии. Наша задача выбрать кандидатуру достойную, решительную и бескомпромиссную. Довольно нам этих шараханий девственника Формоза!

– Я так понимаю, герцогиня, что бескомпромиссность должна иметь благородные черты. Такие, как скажем, у на-

---

⁴⁵ Via Lata – одна из старейших центральных улиц Рима, сейчас носит название Via del Corso

шего императора и вашего сына Ламберта, – иронично заметил Адальберт.

– Есть другие образы, граф?

– О нет нисколько, Ламберт настоящий милес⁴⁶, – по привычке зажмурившись и изображая податливость, отвечал Адальберт. Его целиком и полностью устраивало всеобщее мнение об отсутствии у него честолюбивых помыслов.

– Я полагаю, что Стефан, благочестивый епископ Ананьи, является в наши дни наиболее достойным преемником Святого Петра, – в словах герцогини не было и намека на вопросительную интонацию.

– Но, милейшая герцогиня, он ведь уже епископ! Это запрещено правилами церкви! Вы же сами не раз укоряли Формоза в том, что он стал папой, будучи епископом Порто.

После некоторой паузы Агельтруда нашла решение:

– Да! И это грех, за который Формоз уже несет наказание на Небесах! Но если он стал папой незаконным путем, стало быть, и его решения.....

– Тоже незаконны, – закончил за нее Адальберт, – Не надо лишних слов, герцогиня, я все понял. Благословен будь Господь наш, одаривший Сполето столь совершенным разумом, облеченным к тому же в такую восхитительную форму! Именно этим, озвученным вами путем, нам и следует двигаться дальше.

Следующим днем в доме Адальберта на роскошный ужин

---

⁴⁶ Рыцарь, воин

были созваны все участники сполетской партии. В числе приглашенных были, само собой разумеется, Агельтруда, ее второй сын и маркграф Камерино Гвидо, сполетский барон и друг Гвидо Альберих, епископы Стефан и Сергей, а также епископ Петр из Альбано и Христофор, пресвитер церкви Святого Дамасия. Римская знать, помимо Теофилактов, была представлена Грацианом и Анастасием, представителями доброго старого римского консилиума⁴⁷.

Несмотря на теплый майский вечер, в камине гостиной пылал огонь. Хозяин радушно угощал гостей изысканными яствами, время от времени бросая плотоядные взгляды на Теодору, что незамедлительно перехватывал и отмечал прищуренный зоркий глаз епископа Сергия. Адальберт встречал гостей один, его жена Берта находилась в эти дни в Лукке, что было весьма кстати, ибо Берта и Агельтруда, будучи схожи характерами, терпеть не могли друг друга.

Агельтруда не любила компромиссов и долгих церемониальных речей. Выпалив гостям все, что она накануне говорила Адальберту, она получила единодушное согласие всех присутствующих, за исключением епископа из Альбано, который, пряча глаза в опустошаемом кубке, мрачно процедил:

– Решения наместника Апостола Петра незыблемы, вне зависимости от того, как он этим наместником стал! Об этом говорил еще Святой Августин⁴⁸.

---

⁴⁷ Городского управления

⁴⁸ Августин Иппонийский (354-430) – богослов, философ, епископ Иппоний-

– Иными словами весь христианский мир должен был в свое время следовать заветам Иоанны Английской?! Ведь она тоже стала папой, а уж как, каким образом, и по какому праву никого не должно волновать, – Сергей нашел блистательный ответ.

– Иоанна несет свое наказание на Небесах. А на земле ее осудил церковный суд, решение которого нам подарило с тех пор восседание на *Sella Stercoraria*.

– Вот вы сами и нашли решение, высокочтимый Петр! Если Рим выберет себе достойного епископа, наиглавнейшим делом для него станет, прежде всего, церковный суд над грешником Формозом! Суд Церкви даст должную оценку всем деяниям этого преступника! – воздев руки к небу, произнес Стефан. Его до сих пор коробило от одного упоминания имени скончавшегося месяца назад папы.

– Есть еще одна проблема, – в разговор вступил хозяин дома, – Рим охраняется дикими германцами Фароальда, которым навряд ли понравится избрание папы, отвечающего интересам Сполето и, уж тем более, суд над их любимым Формозом.

– Святые отцы и достойные мужи меня извинят, если пару слов скажет женщина, – в ответ замурлыкала Теодора, Агельтруда неприязненно покосилась на нее, – Да, германцы – проблема, и эту проблему надо решать, но, прошу вас, ради всего святого, не испугайте германцев раньше времени.

Прежде всего, позвольте вас спросить, великолепная герцогиня, – Теодора улыбнулась ей ну совершенно по-змеиному, – планирует ли прибыть в Рим досточтимый император Ламберт?

– Да, он будет здесь через пару дней.

– Для блага нашего общего дела, – нимало не смутилась Теодора, заметив нахмурившуюся при слове «нашего» герцогиню, – будет полезно, если император воздержится от посещения Рима, дабы не возбуждать лишний раз людей Фароальда и не вынуждать его просить экстренной помощи у северных земель.

– Вас устраивает текущее положение вещей?

– Меня устраивает менее, чем кого бы то ни было, – Теодора говорила все более нагло, – но правильнее было бы сейчас действовать осторожно. Фароальд может в любой момент нарушить все наши планы, если он почувствует угрозу интересам своего государя Арнульфа, а появление Ламберта в Риме в такой момент это несомненная угроза. Вы опять будете вынуждены срочно искать компромиссную фигуру на трон Апостола, и никто не даст гарантию, что новый папа будет покладистее несчастного Бонифация.

Как ни была неприятна Агельтруде эта выскочка Теодора, герцогине пришлось мысленно признать, что ее аргументы достаточно убедительны.

– Далее, я полагаю, епископу Стефану надо постараться убедить Фароальда, что он, Стефан, при избрании его пон-

тификом, сохранит текущий баланс сил. Предлагаю вам, святой отец, подтвердить полномочия Фароальда и . . . , быть может, пообещать ему звание римского *magister militum*.

Все молчали, очарованные кто умом, кто красотой говорившей. Общее благодушие опять попытался испортить Петр, епископ из Альбано:

– Фароальд старый и верный служака. Он, как пес, предан Арнульффу и он не предаст его.

«И уж тем более не поверит сполетским и греческим лицам», – мысленно добавил он.

– Возможно, но никто сейчас не требует от Фароальда предательства. Есть еще вариант попробовать воздействовать на Ратольда.

– Еще меньше шансов. Он бастард Арнульфа и все в его жизни зависит от червивого каринтийца, – не унимался альбанский брюзга.

– Хорошо, но, в конце-то концов, место Фароальда и Ратольда на крепостных стенах Рима и на охранных постах его улиц. Пусть занимаются своими прямыми обязанностями, в выборах папы они в любом случае не участвуют. Их надо просто успокоить.

– Фароальд будет всеми силами стараться задержать процедуру выбора до прихода послов Арнульфа. Согласно законам Лотаря⁴⁹, выбор папы не может пройти без присутствия

---

⁴⁹ Лотарь Первый (795-855) – внук Карла Великого, сын Людовика благочестивого, император Запада (823-855), инициатор Верденского договора о разделе

императорских послов.

– Значит надо постараться сделать так, чтобы эти послы как можно дольше не могли найти дорогу к Риму! А в разговорах с Фароальдом упираться на то, что апостольский престол не должен долго оставаться вакантным. Так или иначе, но куда проще поставить Арнульфа перед свершившимся фактом, особенно если заверить того в сохранении в силе всех его прежних договоренностей с Римом, чем ждать германских послов и надеяться на одобрение ими нашего выбора.

– Ключевой для нас тогда становится позиция префекта Григория, который как раз-таки имеет право участвовать в выборах папы. За ним вся римская милиция, которой управляет его зять, – веско заметил Адальберт, нашедший слабое место в плане, предлагаемом Теодорой.

– Так значит, надо закрепить это место за ним. По-моему, ему в его жизни осталось желать только этого.

И, вдохновленная победой над Петром (он, наконец-то, замолчал), Теодора резюмировала:

– Иными словами, всем, кто не является нашим прямым союзником, необходимо сейчас дать гарантии в сохранении насиженных ими за последние годы мест. В связи с этим, отсутствие в Риме вашего сына, благородная герцогиня, послужит подтверждением наших стремлений к поддержанию в Риме достигнутого равновесия. Среди служителей церкви сегодня отцу Стефану, хвала Небесам, вроде как обеспе-

---

империи, создатель и первый король Срединного королевства.)

чено большинство. Что касается граждан Рима, здесь большинство будет формироваться стараниями мессера Грациана, мессера Анастасия и ваших покорных слуг. Если Господу будет угодно и престол Святого Петра займет досточтимый Стефан, впоследствии можно будет позаботиться о сокращении полномочий Фароальда и увеличении римской милиции за счет .... скажем греческих лангобардов, беневентцев и неаполитанцев. Герцогиня Агельтруда, дочь благословенного Адельхиза, и мой скромный супруг смогут оказать вам здесь посильную помощь.

Теофилакт утвердительно кивнул. Собравшиеся громко воздали хвалу говорившей. Как нетрудно догадаться воздержалась от проявлений восторга одна Агельтруда. Впрочем, с предложенным планом она была целиком и полностью согласна.

– Ну а после никто и ничто не помешает вам править Римом, и, в целях легализации своих полномочий, можете сколь угодно судить вашего Формоза и отменять все его решения. Да хоть из могилы его вытащите! – со смехом добавила Теодора. Высокие гости также дружно засмеялись. На этот раз все, кроме Стефана, который как-то странно взглянул на жену Теофилакта, и до конца вечера пребывал в глубоко задумчивом состоянии, не проронив ни слова.

Эпизод 6.

1650-й год с даты основания Рима, 10-й год правления базилевса Льва Мудрого, 5-й год правления

франкского императора Ламберта (3 мая 896 года от Рождества Христова)

Ламберта гонцы Агельтруды остановили всего в десяти милях от Рима. Не совсем понимая задуманного своей матерью, но глубоко любя ее и заранее и слепо одобряя все ее планы, юный император вернулся домой.

Все свои силы и средства сполетская партия бросила на уговоры и подкуп прибывавших в Рим священников. Активную, да к тому же небескорыстную агитацию развернули и на светском уровне. Теофилакты, муж и жена, не знали ни сна, ни отдыха, устраивая пирушки в своей резиденции, выезжая на встречные приемы, и, при этом, назойливо знакомясь, благодаря посредничеству римских патрициев Грациана и Анастасия, со всеми мало-мальски значимыми в Риме людьми, не гнушаясь разделять стол и досуг с руководителями цехов, школ и пригородных акритов⁵⁰. Триумфом их деятельности стало привлечение на сполетскую сторону Григория, префекта Рима, человека пожилого, заслуженного, но не потерявшего страсть к презренному металлу. Решающим доводом стала гарантия сохранения им поста римского префекта при новом понтифике.

В целом, все для сполетцев складывалось как нельзя лучше. Партия Формоза, лишенная своих главных авторитетов,

---

⁵⁰ Землевладельцев, получавших землю в обмен на обязательства охраны границ

могла лишь с бессильной горечью наблюдать, как престол Святого Петра ускользает из ее рук. Фароальд отчаянно продолжал слать гонцов к Арнульффу Каринтийскому, призывая того идти на Рим, если он хочет по-прежнему оставаться императором Запада.

Выборы нового папы были назначены на 10 мая. Сполетцы уже вовсю смаковали грядущую победу, как вдруг, за неделю до назначенного срока, Агельтруда получила известие, что в направлении Рима выступил Беренгарий Фриульский с двумя тысячами рыцарей.

Герцогиня незамедлительно забилась в истерику. Как они могли забыть про этого неугомонного фриульца, который так же, как и Арнульф, делит с ее сыном одну корону, с той только разницей, что не императорскую, а королевскую! Чуть ли не в слезах Агельтруда бросилась ко дворцу маркграфа Адальберта. Тот встретил ее в гостиной вместе с Теодорой. В любой другой момент Агельтруда непременно обратила бы внимание на столь пикантную подробность, но именно сейчас ей было совершенно не до того. Она видела только рушившиеся на глазах планы сполетского двора.

– Через семь дней фриулец намеревается быть в Риме! Слышите, через семь дней! И уж будьте уверены, он сделает все, чтобы разрушить все нами задуманное. Формозианцы, по имеющимся у меня сведениям, уже воспрянули духом.

– Если Стефан, разумеется, только с Божьего соизволения, стал бы понтификом, в его планы не входило бы под-

тверждение королевского статуса Беренгария? – осведомилась Теодора.

– Никоим образом. Королем Италии является мой сын. Теперь вы понимаете, какой абсурд устроил этот старый девственник Формоз?!

– Формоз раздаривал императорские короны, а его предшественник и воспитанник библиотекаря Стефан – королевские. И сначала в Италии появился второй король, которым, усилиями Стефана⁵¹, стал, если не ошибаюсь, ваш муж.

– Я смотрю, вы очень хорошо знаете историю нашей семьи, милочка, – герцогиня уже с нескрываемой ненавистью взглянула на Теодору. Гречанка стойко выдержала ее обжигающий взгляд, а уголками губ даже позволила себе состроить насмешливую гримасу. В покоях Адальберта она не боялась уже ровным счетом никого.

Адальберт видел, что ситуация стала предгрозовой. Необходимо было срочно вмешаться:

– Благородные донны, самое худшее сейчас – начать ссориться между собой. Ситуация не терпит отлагательств. Что можно предпринять?

Теодора первой взяла себя в руки:

– Я так понимаю, Беренгария можно склонить на свою сторону только ценой немедленных уступок, – произнесла она, пристально глядя на герцогиню. Та все еще пребывала

---

⁵¹ Имеется в виду Стефан Пятый (?-891), римский папа (885-891), воспитанник Захария, библиотекаря Апостольского Престола

в плену своих чувств.

– Да, Арнульф считает его своим союзником и частенько заступался за него, но союзник этот, между нами, не очень надежный, – ответил ей Адальберт. Окинув взглядом двух волчиц, не отводящих друг от друга злых глаз, он с видимой невозмутимостью продолжил:

– К тому же, по сплетням недавно прибывших пилигримов, Арнульф, по наущению своих придворных и в отместку за пассивное пребывание Беренгария в Риме этой весной, устроил западню для фриульца, и если бы того вовремя не предупредили, одной проблемой бы у нас сейчас стало меньше. Если эти слухи правдивы, в отношениях между Арнульфом и Беренгарием теперь больше страха, чем доверия.

– Молю Господа, чтобы это было правдой, – Адальберту по-прежнему отвечала только Теодора, – В любом случае, у Беренгария есть одно отличие от Арнульфа. Он, не менее трезво оценивая свои силы, не претендует на всю Италию, не претендует на корону цезаря. Так?

– Совершенно верно. Сейчас не претендует, – Адальберт сделал особое ударение на слове «сейчас»

– Когда есть риск потерять все, лучше пожертвовать частью. С Беренгарием необходимо срочно договориться, – сказала Теодора, все так же не отводя глаз от Агельтруды.

– Как это сделать? И где? Беренгария лучше не допускать к Риму, чтобы не давать ему дополнительных козырей для торговли.

– Никто не сделает это лучше, быстрее, весомее .... и не в римских стенах.... чем ваш сын, император Ламберт, герцогиня....

В ответ опять молчание.

– На празднике по случаю понтификата Бонифация, да упокоит Господь его грешную душу, – лицемерная преступница не забыла перекреститься, – я видела Гизелу, дочь Беренгария, и, по-моему, ваш сын находит ее общество вполне приятным. Какой прекрасный случай объединить два юных сердца и бескровно сократить число итальянских королей! Не находите, герцогиня? – и Теодора поклонилась ей явно ниже, чем велел тогдашний этикет, всем своим видом демонстрируя «рабскую покорность».

Агельтруда вышла из оцепенения. Мысленно зачислив Теодору в список врагов, с которыми она непременно расправится после своей победы в Риме, герцогиня приторно сладко улыбнулась гречанке:

– Вы, как всегда, нашли мудрое решение, Теодора.

Адальберт умиротворенно вздохнул, по обыкновению закатив вверх глаза. Гроза на сей раз миновала.

Эпизод 7.

1650-й год с даты основания Рима, 10-й год правления базилевса Льва Мудрого, 5-й год правления франкского императора Ламберта (10 мая 896 года от Рождества Христова)

Италия... Вы когда-нибудь бывали в мае в Италии? А вообще там когда-нибудь бывали? Если нет, спешите скорее сюда, спешите как на свидание с любимой женщиной, спешите, ибо эта страна действительно влюбляет в себя сразу и навсегда. Приезжайте – и зимой, и летом, приезжайте – Италия в любое время года найдет способ вас очаровать. Но в мае, в мае она вас просто опьянит, сведет с ума, вы будете плакать, покидая ее, и никто, поверьте, не сочтет ваши слезы малодушной и сентиментальной глупостью. До конца дней своих, в минуты, когда вы будете просить свою память вернуться в самые счастливые моменты вашей жизни, вы непременно вспомните это буйное торжество весны, когда сам воздух этого благословенного края напоен радостью бытия. Вдыхая этот воздух, вновь верит в свои новые солнечные дни согнувшийся под грузом прожитых лет старец, ободряется и жаждет новых испытаний честолюбивый и амбициозный мужчина средних лет, которого заставили на какое-то время невольно упасть духом бытовые неурядицы. Для шестнадцатилетнего же юнца этот воздух, это задорное солнце, эти ароматы разгульной весны многоголосо и цветисто поют гимн его надеждам, его молодости, его открытому для любви сердцу. В такие дни воздаешь хвалу Господу за одно свое существование в этом мире, все суетные проблемы отступают на второй план, и нет ничего невозможного для человека крепкой веры и честной души.

Особенно, если тебе действительно всего лишь шестна-

дцать, и в эти свои шестнадцать лет ты – о, какой чудесный и справедливый выбор Небес! – ты итальянский король и император Западного мира. Ламберт Сполетский имел все основания считать себя баловнем судьбы, благосклонно одарившей его с самого момента его рождения. Он родился в семье одного из могущественнейших людей Европы, и ему не было еще и двенадцати, когда его отец Гвидо добился для себя и для него королевской и императорской короны. Но какой же рассудительный и спокойный необходимо было иметь разум, чтобы, в отличие от столь же удачливых сверстников, в разное время державших скипетр и носивших корону, тратить свой драгоценный досуг на постижение угодных Богу и Церкви наук, а также совершать утомительные разъезды по городам и замкам страны, которую, волей Господа, ему однажды предстояло бы единолично возглавить. И ведь это действительно совершал человек, чей возраст в наше время считается совершенно детским, на которого в наше время не распространяются еще избирательные права, не распространяется уголовная ответственность и воинская обязанность! А Ламберту волею судеб уже приходилось и обнажать меч, и вершить горький суд, принимая на себя ответственность за чужие судьбы и отнимая, увы – увы, чужие жизни. Конечно, его окружали советами и защитой ближайшие родственники и челядь, но уже давно последнее слово оставалось за ним и только мать его, Агельтруда, по-прежнему сохраняла на сына огромное влияние.

Еще одним отличием Ламберта от ровесников своего времени являлось усердное, не напоказ, отправление молитв Богу. Став императором, он сам себе дал обет в своих решениях руководствоваться только христианскими заповедями, держать себя и свой двор в строгом благонравии, а слово свое всегда считать нерушимой клятвой, ибо, увы и ах, частенько он наблюдал прямо противоположные примеры, причем со стороны людей окружавших его с колыбели.

Что до внешности, то и здесь Бог не оставил его без своей щедрости, лицо Ламберта можно было назвать самым воплощением мужского благородства и красоты. Длинные русые волосы императора, стриженные надо лбом, сзади свободными волнами падали на плечи, карие глаза его всегда излучали спокойную доброжелательность, на скулах его, еще не атакованных по-настоящему бакенбардами и бородой, всегда играл яркий румянец, поскольку юный цезарь очень часто испытывал неподобающее для своего положения чувство застенчивости.

«Просто король» Беренгарий Фриульский принадлежал к более старшему, чем Ламберт, поколению и к другому, что еще важнее, типу людей. Авантюрная жизнь, вечная борьба за то ускользающие, то фантомно возникающие перед глазами европейские короны, наложили свой отпечаток на внешность Беренгария. Некогда не менее благородное, чем у Ламберта, лицо его огрубело и приобрело черты матерого хищника, волосы на голове и в бороде давно припорошило се-

диной, глаза же, эти зеркала души, выдавали в нем человека, не верящего никому, да и не просящего самому себе верить. Беспокойное окружение его владений в лице германца Арнульфа, миланского графа, тех же докучливых сполетцев само собой заставляло Беренгария Фриульского держать наготове и меч, и казну.

С недавних пор у северных границ его фриульского графства появилась новая напасть – венгерские орды, понемногу начинавшие приносить ему все больше тревог. В результате вся жизнь и деятельность Беренгария мало-помалу свелась к постоянному выживанию, постоянному поиску компромиссов, созданию и разрушению политических и военных союзов, бесконечных клятв в монастырских церквях и столь же бесконечных клятвопреступлений. Несмотря на это, Беренгарий, так же как и Ламберт, был суровым ревнителем Веры и это, пожалуй, являлось единственной, хотя и важнейшей чертой, их объединявшей. Быть может, жизненные потрясения и привели бы фриульца к более циничному подходу в вопросах Веры или хотя бы Церкви, если бы не его жена Бертилла, вовремя одергивавшая своего супруга от периодически возникающих соблазнов и искушений. Беренгарий был человеком своей эпохи, таким же, возможно, предстояло с течением времени стать и Ламберту, когда жестокость нравов и суровая действительность нанесут решающий удар по юношескому максимализму императора.

Эти два замечательных человека, оставивших свой след в

Истории, встретились 10 мая 896 года, недалеко от Павии, на берегах реки Тичино, в день, когда сполетцы намеревались возвести на папский трон свою креатуру – отца Стефана. Выборы папы были благоразумно перенесены, но необходимо было торопиться, в любой момент в римских пределах могли вновь появиться хитро выпровожденные из Италии священники-формозианцы или, того хуже, армия германского Арнульфа.

Место встречи вполне соответствовало статусу сегодняшних визави. Со времен лангобардского завоевания на берегу Тичино тогдашние властители устраивали свои собрания. Сегодня же владыки Италии разбили лагерь на разных берегах. Впрочем, в настроениях встречающихся не было ровным счетом никакой воинственности и даже серьезной неприязни, хотя в обоих войсках оставалось немало воинов сражавшихся друг против друга при Треббии и Брешии.

Монархи договорились о встрече с глазу на глаз ближе к закату дня, выбрав место на берегу лагеря Ламберта. Небольшие свиты, сопровождавшие их до согласованного уединенного места, остались поодаль, сохраняя, каждая для себя, возможность обозревать происходящее.

Монархи некоторое время молчали, покачиваясь в седлах и глядя друг на друга. Кто же скажет приветствие первым и насколько точно и полно назовет регалии своего оппонента? Абсурд, возможно, скажете вы, придавать такое значение столь второстепенным вещам. Отнюдь, отвечает современ-

ная дипломатия, сохранившая до сих пор многие обычаи из делового этикета древнего мира и обнаруживающая легко-ранимую гордость при их нарушении.

Первым, как водится, сдался человек еще неиспорченный. Ламберт, сам себя успокоив веским доводом, что он, будучи юнцом, должен имеет уважение к людям зрелого возраста, а заодно и в целях скорейшего достижения компромисса, первым произнес:

– Приветствую тебя благородный Беренгарий, маркграф Фриуля и великолепный король Италии!

Беренгарий был приятно удивлен таким вступлением. Назвав его королем, пусть и почему-то вслед за графским титулом, а не наоборот, Ламберт, тем не менее, открыто показал все свои настроения и намерения, и в первую очередь отсутствие, по крайней мере, на ближайшее время, угрозы титулу Беренгария. Неслыханно благороден и щедр этот юноша!

– Приветствую тебя Ламберт, великий император франков и римлян, король Италии, маркграф благословенного Сполето.

Комплимент за комплимент. Стороны склонны договориться и дело осталось за малым.

Соскочив с лошадей, монархи в дружественном и честном порыве обнялись, тем самым давая понять, что многолетняя война между Сполето и Фриулем, между Беренгарием и отцом Ламберта, осталась где-то далеко в прошлом. Отпустив лошадей щипать траву, монархи сперва, опустившись

на колени, совместно вознесли хвалу Богу, а после побрели вдоль реки среди уже достаточно густой и поднявшейся травы. Их свиты, умудренные опытом подобным встреч, тронулись вслед за ними, сохраняя создавшуюся изначально дистанцию.

Первый вопрос – о признании регалий и титулов друг друга – был решен во время приветствия и в ходе разговора более не возникал. Следующий вопрос, касающийся разграничения территорий влияния, был инициирован Беренгарием. После некоторых споров, Ламберт, накануне проинструктированный должным образом своими советниками, согласился признать территории к северу от реки По и к востоку от Тичино сеньорией Беренгария при сохранении императорской власти Ламберта по всей остальной Италии, заканчивающейся тогда, с учетом вассальных территорий, на широте Рима.

Вопрос о кандидатуре понтифика оказался малоинтересен Беренгарию, но был жизненно важен сполетской партии. Беренгарий, прекрасно понимая это, воспользовался уязвимым положением сполетцев только для того, чтобы выторговать себе дополнительные преференции. А именно, в целях скорого объединения страны он сам предложил Ламберту руку своей дочери Гизелы. Ламберт, состроив, насколько он умел, мину восторженного удивления, дал принципиальное согласие на этот брак, предложив к началу осени доставить в Сполето портрет своей будущей супруги, хотя в про-

шлом месяце он не только имел удовольствие самолично лицезреть Гизелу, но и даже с приятностью общался. К тому же, мастерство тогдашних художников находилось на таком уровне, что могло скорее расстроить свадьбу, чем зажечь в глазах будущих супругов любовный огонь. Это лучше многих знал сам Ламберт, поскольку в те времена существовала традиция рассылать по провинциальным городам портреты нового императора, заступавшего на трон. Такие портреты назывались лауреатами, ибо голову цезаря на них украшали лавровые венки. Города встречали образ императора весьма торжественно, портреты монарха хранились почти столь же трепетно, как мощи святых покровителей. Посещая впоследствии эти города, император Ламберт всякий раз приятно удивлял своей внешностью тамошних жителей, к тому моменту уже свыкшихся с мыслью, что ими управляет какое-то безликое и бесполое существо с вечно унылым выражением лица. Таким образом, запросив у Беренгария портрет Гизелы, молодой монарх сделал это отнюдь не по велению сердца, желавшего всегда иметь подле себя образ любимой, а следуя опять-таки существовавшим тогда обычаям и, главное, стремясь выторговать время, чтобы убедиться в верности своего нового союзника. Беренгарий мог торжествовать.

Настроение фриульца слегка испортилось, когда Ламберт потребовал от него клятвенного обета Фриуля против Арнульфа. Мало того, что Беренгарий уже был связан аналогичной клятвой с Арнульфом, в случае войны он становил-

ся бы своеобразным щитом для сполетских интриганов и первым попадал бы под удар варвара. Но слишком соблазнительны были посулы Ламберта, искренность которого даже в те времена не подвергалась никакому сомнению, тогда как Арнульф в упор не видел его никем больше, чем просто фриульским графом с бумажной короной Италии на голове! После некоторых колебаний и внутренне чертыхаясь, Беренгарий совершил свое очередное клятвопреступление, благо его жены рядом не было, и взял на себя обязательство совместно с Ламбертом противодействовать возможному походу Арнульфа на Рим. Не выказывая своих мыслей вслух, Беренгарий, трезво оценивая шансы своей армии в возможном противостоянии германцам и отчаянно блуждая в лабиринте своих мыслей, именно в этот день впервые и внезапно озарился идеей прибегнуть, в крайнем случае, к помощи страшного венгерского князя Арпада⁵², с которым, на удивление всей Италии, ему удалось наладить контакт.

Солнце уже почти село, когда монархи вернулись к своим лагерям, из которых вскоре раздались одобрителльные возгласы вельмож и рыцарей, принявших сегодня участие в лучшем сражении, которое только может быть, в сражении несостоявшемся. Ламберт незамедлительно послал гонцов в Рим известить Агельтруду о результатах встречи с Беренгарием. Сполетский двор ликовал с удвоенной силой – спустя

---

⁵² Арпад (ок.850-907) один из первых правителей Венгерского княжества (889-907)

несколько часов, после того как Агельтруда получила известие о достижении компромисса с Беренгарием, был перехвачен германский шпион от Арнульфа с письмом к Ратольду и Фароальду, в котором говорилось, что божественного императора Запада разбил паралич, он остается недвижим в своем дворце в Вероне и выражает надежду, что его благородному сыну Ратольду удастся победить сполетских изменников своими собственными силами. Это означало только одно – дорога Стефану, епископу Ананьи, к трону святого Петра полностью открыта!

Эпизод 8.

1650-й год с даты основания Рима, 10-й год правления базилевса Льва Мудрого, 5-й год правления франкского императора Ламберта (май-июль 896 года от Рождества Христова)

Выборы папы в конце девятого века являли собой процедуру, поражающую нас ныне своей простотой и демократичностью. В те времена еще не созывался конклав, запирающийся на все ключи и хранящий в строжайшей тайне всех перипетии, сопровождающие святой и торжественный выбор. Наместника Святого Петра еще не избирала закрытая коллегия кардиналов из числа епископов пригородных церквей и пресвитеров титульных базилик Рима, сам титул кардинала был еще только на полпути к своему теперешнему значению и во всех сферах деятельности Церкви существен-

но уступал званию епископа.

Тем не менее, к тому моменту Церковь уже достаточно ясно обозначила свое стремление исключить мирян из процесса выбора папы, к этой цели она будет идти долго и терпеливо. Первым, как это следовало ожидать, из числа избирателей был исключен плебс, за которым к концу девятого века осталась только формальная привилегия окончательного одобрения кандидата, на котором остановили свой выбор Церковь и знать Рима. К последней изначально относились сенаторы города, пока Сенат еще существовал, а затем префект и архонты округов, глава милиции, а также последние представители вымирающих знатных фамилий Рима.

Долгое время голос знати был слаб, к тому же, вместе с голосом Церкви, подчинен сначала византийскому базилевсу, а затем равеннскому экзарху, за которыми оставлялось решающее слово. Возродив Западную империю, Рим незамедлительно получил новое обременение и отныне был вынужден согласовывать выбор своего епископа теперь уже с императором или же его послами. Однако, начавшийся вскоре процесс разложения династии Каролингов привел к тому, что знать Рима, при поддержке Церкви, на момент описываемых событий начала все более громко заявлять о своих правах, в том числе и о своем праве участвовать в выборах папы. В знак укрепления и легитимации своих прав, к концу девятого века среди отцов города вновь воскресла идея о воссоздании городского Сената, чей голос при выборе

епископа Рима должен иметь де-факто равнозначный вес с мнением Церкви и императора. Таким образом, выбор Рима осуществлялся на тот момент еще весьма широким кругом лиц, что открывало для симонии⁵³ просторное поле деятельности и способствовало появлению на троне Апостола диковинных персонажей наподобие иподиакона Бонифация. Время от времени, как правило, в трудной ситуации, вспоминали еще и о городском плебсе, в благодарность за внимание и заботу утверждавшем чье-нибудь чужое решение мощью своих глоток, а иногда, в особых случаях, крепостью своих кулаков.

Имитируя свободу выбора, сплетцы благоразумно, помимо Стефана, предложили на папский трон еще две кандидатуры – кардинала-пресвитера Бенедикта и кардинала-диакона Пасхалия – бывших послушными подголосками Стефана. Формозианцы, в сложившихся условиях и в отсутствие своих лидеров, предпочли сохранить угрюмый нейтралитет. В итоге церковная и светская власть подавляющим большинством голосов поддержала кандидатуру Стефана, а их решение предварительно подготовленный плебс одобрил бурными приветственными криками. То, что епископом Рима становился епископ другого города не было никем опротестовано, формозианцы на сей счет совершенно не имели воз-

---

⁵³ Симония-покупка и продажа церковных должностей. Термин возник от имени волхва Симона, пытавшегося купить у Апостолов Петра и Иоанна священство.

возможности пикнуть, ибо сам их духовный лидер, почивший в бозе, согрешил в свое время тем же. Ничего не смог сделать и Фароальд, не имевший права принимать участие в выборе папы, лишенный поддержки императора Арнульфа и по сути брошенный со своими людьми на произвол судьбы.

22 мая 896 года католический мир получил нового папу Стефана Шестого (или Седьмого, если принимать во внимание уже упоминавшегося папу с тем же именем, выбранного на престол в 752 году и не дожившего до своей коронации⁵⁴). Рим вновь испытал каждодневные церковные службы и крестные ходы по всем главным улицам днем и разгул особенного пьянства, чревоугодия и не слишком чопорных манер вечером. Фароальд и его воины не смыкали глаз, гораздо более опасаясь не столько пьяных выходок подгулявших римлян, сколько увеличения в городе числа сполетцев и греков. Во всех действиях германского гарнизона в эти дни начала проследиваться какая-то истеричная обреченность. Солдаты Фароальда, теряя выдержку, все более и более жестко реагировали на каждый факт неповиновения им, провоцируя, тем самым, закономерную ответную реакцию местных жителей, и скоро на римских площадях, с подачи сполетцев, раздались голоса о необходимости выставления германцев вон.

Германский гарнизон, оставленный в Риме победоносным

---

⁵⁴ Папа Стефан Второй (?-752), его понтификат длился 3 дня. Решением Ватиканского собора 1961г. его имя исключено из списка римских пап.

Арнульфом, решением его командиров был поделен на две неравнозначные части. Основная часть германцев в количестве одной тысячи человек, состоявшая преимущественно из саксонцев, находилась на месте древнего размещения преторианского лагеря на северо-востоке Рима. Командиром этой части был внебрачный сын Арнульфа Ратольд, молодой человек весьма привлекательной внешности, мало похожий на своих солдат, причем не только чертами, но и нравом. В отличие от своего отца, Ратольд имел характер мягкий, мечтательный, склонный к разного рода земным удовольствиям. Со временем Ратольд обещал превратиться в классического сибаритствующего сеньора, в лучшем случае из него, быть может, вышел бы прекрасный церковнослужитель, но никак не воин или мудрый властелин. По правде говоря, он мало чем отличался от местных патрициев, невероятным чудом уцелевших после многовековых бурь и потрясений, и не случайно, что в Риме его приняли как своего и значительную часть времени, свободного от службы, он проводил в кругу друзей и подруг. Увы, мягкостью Ратольда активно пользовались нечистые на руку люди, кто из корысти, а кто и из соображений политического интриганства. Для сполетцев, всерьез вознамерившихся прибрать Рим к рукам, Ратольд в германо-формозианском блоке представлялся наиболее уязвимым звеном.

По счастью для германцев совсем другим человеком являлся Фароальд, командовавший частью немецкого гарнизо-

на, располагавшегося лагерем на Марсовом поле и имевшего еще один небольшой форпост на развалинах Цирка Максимуса. Несмотря на меньший, чем у Ратольда состав (чуть более трехсот человек), позиции его корпуса позволяли оперативно реагировать на все события, происходившие в Риме. Имея в пределах быстрого доступа отлично укрепленную цитадель в виде Замка Святого Ангела, при неблагоприятном стечении обстоятельств всегда можно было бы мгновенно переместиться туда и выдерживать долгую осаду, одновременно сохраняя возможность совершать вылазки как к центру Рима, так и в сердце папской Леонины⁵⁵. Составлявшие отряд Фароальда баварцы были пусть и малограмотны, зато дисциплинированны, преданы своему командиру и отважны в бою. Несмотря на то, что формально германскими силами командовал Ратольд, фактически все держал в своих руках Фароальд, за что отпрыск Арнульфа был ему весьма благодарен, так как это давало последнему возможность для приятного досуга.

В задачи, поставленные перед германским гарнизоном их императором Арнульфом, входила, в основном, охрана папской особы и исполнение его воли, а также сторожевая служба и поддержание порядка на основных дорогах Рима и во время торжественных церковных процессий. Поддер-

---

⁵⁵ Леонина (город Льва) – построенная папой Львом Четвертым в середине 9 века крепость вокруг собора Святого Петра и прилегающих к нему сооружений. Пробраз будущего Ватикана.

жание повседневного порядка внутри Рима, решение всяческих бытовых конфликтов, предотвращение и раскрытие уличных краж и убийств осуществляла римская милиция в количестве около пятисот человек, состоявшая как из граждан, так и разного рода наемников, оплачиваемых папской казной и казной муниципалитета. Наконец, резиденции первых, помимо короля, сеньоров Италии, такие, например, как резиденции сполетского герцога или тосканского маркграфа, располагали собственной охраной, имевшей право действовать в пределах отведенных им территорий.

Чем дольше пребывал в Риме Фароальд, тем больше им овладевала тоска от осознания отсутствия каких-либо возможностей удержать город в повиновении. Он чувствовал, что с каждым днем тают его шансы благополучно вырваться из этой прекрасной мышеловки, зайти в которую ему приказал его всемогущий хозяин. Но теперь этот хозяин далеко, верные хозяину папы ушли один за другим, и ему остается только бессильно наблюдать, как множатся вокруг него силы врагов, как возрастает их храбрость, и ему решительно нечего противопоставить этому опасному процессу. Старый солдат, начавший свою карьеру еще у повелителя саксов Оттона Сиятельного⁵⁶, он снискал немало славы и благородных ран, всюду сопровождая своего господина Арнульфа Каринтийского, то улаживая конфликт с моравским князем

---

⁵⁶ Оттон Сиятельный (ок.836-912) – герцог Саксонии, маркграф Тюрингии.

Святополком⁵⁷, то отражая атаки свирепых венгров. Но два события Фароальд и его хозяин всегда выделяли среди прочих – их триумфальную войну с императором франков Карлом Толстым⁵⁸, приведшую к низложению последнего и сделавшую Арнульфа королем Германии, ну и, конечно, событие последнего года, когда ныне покойный Формоз короновал Арнульфа императором Запада. И всегда по правую руку победоносного Арнульфа Каринтийского находился его верный Фароальд. Не будучи особо искусственным в подковерной борьбе, Фароальд являлся несомненным прообразом будущих суровых германских службистов, принесших славу германскому оружию в бесчисленных сражениях на полях Европы. Он очень рано понял, что своему низкому происхождению он может противопоставить только свой сильный и верный меч, и только меч способен помочь ему сделать славную карьеру, срок которой определяется лишь Господом. Надо полагать, что Арнульф сделал безошибочный выбор, назначив его одним из командиров римского гарнизона. Любой другой, оказавшись в подобной ситуации, уже давно почел бы за благо покинуть предательский город и найти этому поступку тысячи обоснований.

Полгода назад Фароальд вместе со своим хозяином увидел Вечный город, город к которому они так стремились. Вся Италия, где покорно, где нет, но подчинилась мощным гер-

---

⁵⁷ Святополк Первый (?-894) – князь Великой Моравии

⁵⁸ Карл Третий Толстый (839-888) – император Запада из династии Каролингов

манским мечам, сам глава католической церкви Формоз активно взывал о помощи, будучи притесняем со стороны сполетцев, хозяйничавших в Риме и сумевших к приходу Арнульфа организовать достойную оборону. В истории Рима было немало эпических осад, заканчивавшихся либо героической победой осаждаемых, либо кровавым взятием столицы цезарей. Однако на этот раз трагедия уступила место фарсу. Воспоминания о штурме Рима всегда вызывали улыбку у Фароальда, обычно не проявлявшего каких-либо сильных эмоций. Расположившись у римских крепостных стен, Арнульф и его армия, помня печальный опыт завоевателей типа Витигеса⁵⁹, настраивались на долгую и затратную осаду города. Быть может, так все бы и случилось, если бы не ..... маленький степной зайчик, внезапно забежавший в лагерь Арнульфа. Германские солдаты, занятые рутинной подготовкой своих осадных сооружений, воспользовались возможностью устроить азартную охоту, пытаясь поймать ушастого голыми руками. Все больше и больше солдат втягивалось в эту затею, пока ошалелый заяц не начал улепетывать от них в направлении римских стен. Толпа германцев с жутким гоготом устремилась за ним и, желая напугать его еще больше, забила в барабаны. Римская милиция, пребывавшая на стенах, соответственно, увидела приближающуюся лавину врагов и, нисколько не подозревая об истинных причинах ее вызвавших, вдруг.....кинулась наутек. История навряд ли знает

---

⁵⁹ Витигес (500-542) – король остготов, безуспешно осаждал Рим в 537-538 гг.

еще подобный комичный случай, а уж применительно к городу такого масштаба все выглядело как детский анекдот. В итоге, погнавшись за зайцем, армия Арнульфа внезапно получила в подарок весь Рим, а Фароальд и его солдаты с тех пор получили основание смотреть на военные потуги потомков Красса и Марка Антония с презрительной усмешкой.

Спустя полгода пренебрежительное мнение Фароальда о римлянах, как воинах, не изменилось. Но в Риме, помимо них, оставались еще и солдаты византийского двора, который никак не мог смириться с неизбежным и по сию пору считал город своим владением. Греки также имели право держать в Риме небольшой гарнизон, входивший в состав местной милиции. Причем после смерти Бонифация число греков в милиции начало заметно увеличиваться и вот это уже не могло не тревожить Фароальда. Греки были вооружены не хуже его людей и столь же искусно вели себя в бою, коварство их не знало границ, но слово их, пусть и записанное на пергаменте, весило не больше самого пергамента, и Фароальд это прекрасно знал. Поэтому его очень насторожили новые люди появившиеся в Риме, и, прежде всего, обращал на себя внимание Теофилакт, обладавший заметной деловой и воинской хваткой, да и его жена, эта новая Медуза Горгона, успела при встрече вселить в Фароальда не похотливые мечты, как у многих, а безотчетную тревогу. Фароальд весьма досадовал на Ратольда, который, напротив, очень быстро сдружился с греками и время от времени получал от них

щедрые дары. В числе таких презентов была, в частности, очень юная египтянка-рабыня, с которой Ратольд начал проводить непозволительно долгое время. Все напоминания Фароальда о возможно данайском⁶⁰ характере подносимых даров, его молодым господином услышаны не были. Принц поверил словам рвущегося к апостольскому престолу Стефана, мантрам тосканского Адальберта и хитрых Теофилактов о том, что права Арнульфа новый папа подвергать оспариванию не будет. В итоге выбор папы был отдан на откуп сполетцам, хотя сын Арнульфа был единственным, кто, наверное, мог бы этому помешать.

Досадовал Фароальд и на своего господина Арнульфа, так внезапно спасовавшего перед болезнью и лишившего его поддержки армией, деньгами или хотя бы четкими приказами. Приказ был один – оставаться в Риме, покуда к хозяину не вернутся силы и он не явится самолично для наказания предателей. Уйти из Рима не представлялось возможным, ибо после воцарения Стефана и ухода германского гарнизона из города следующим шагом могло быть аннулирование императорской коронации Арнульфа и, стало быть, все усилия германцев последнего десятилетия в этом случае пошли бы прахом. Было бы не самым плохим вариантом для германского гарнизона, если бы Арнульф отдал Богу душу

---

⁶⁰ Данайцами назывались греки, осаждавшие Троию. Их «подарком» осажденным стал знаменитый деревянный (троянский) конь, с помощью которого город был взят.

– в этом случае, обладая отличным войском, Фароальд мог бы заставить римского епископа признать императором Ратольда, – старый вояка грешным делом подумывал и о таком варианте и, главное, не находил его неисполнимым. Однако, обстоятельства сложились так, что Фароальду оставалось только плыть по течению событий в надежде, что это течение все-таки вынесет его на какой-то берег. А до той поры зорко следить за действиями недругов.

Ну а недруги шаг за шагом прибирали к рукам Рим. Стефан, взойдя на папский престол и подтверждая по традиции полномочия правителей Италии, в пику своему предшественнику, ни словом не обмолвился об императорских притязаниях Ламберта и Арнульфа, как будто их обоих не существовало. Хитрый ход, вполне в византийском духе. А вот наивного Петрония, главу римской милиции и зятя префекта Григория, сполетцы даже не удосужились потомить с подтверждением должности, а сразу как ни в чем не бывало сменили его на Теофилакта. Так последний закрепился, наконец, в Риме и его семья начала свое фантастическое восхождение к вершинам власти.

Теофилакт, получив вожделенную должность, для начала задался целью постепенно заместить в городской милиции римлян греками. В наше время сей процесс грозил бы перерасти в серьезный конфликт, но в те времена он был принят достаточно спокойно. Несмотря на многочисленные волны готских, лангобардских, франкских завоеваний послед-

них пяти веков, влияние византийского наследия в конце девятого – начале десятого века в Италии оставалось весомым, а на юге полуострова бесспорно доминирующим. Италия и сама Византия неохотно свыкались с мыслью, что города Апеннин более не являются территориями бывшей Римской империи. Это находило отражение как в структурах государственной и муниципальной власти, где номенклатура должностей и титулов управителей практически полностью соответствовала византийской, так и в обиходе, нравах и традициях местного населения. Имена Василий, Игнатий, Ирина и Евдокия встречались в Риме много чаще, чем Антоний, Максим и Марк, а при обращении слуги к господину своему слово «синьор» звучало еще крайне редко, заметно уступая греческому «кир».

Особо отметим, что рост национального сознания тормозила феодальная элита Апеннин, пришедшая сюда из чужеземных земель, не отождествлявшая еще себя с местным населением, и копировавшая образ идеального государства, каковым на тот момент всем представлялась Византийская империя. Лишь римская церковь, последний оплот латинизма, осмеливалась в те века спорить с Константинополем о религиозных доктринах и, в первую очередь, о своем главенстве в церковной иерархии, общими с восточными патриархами усилиями закладывая взрывчатку под монолитный фундамент европейского христианства и готовя очень скорый его раскол.

Что же касается простонародья, то его слабый голос, зажатый между тисками церковных догматов и людоедских нравов их светских владык, к концу девятого века был едва слышен чуткому уху. Формирование любой нации начинается со становления и распространения своего языка и, глядя на тогдашнюю Италию, приходилось признать, что процесс этот только-только запускался. Дорогу осилит идущий – и пусть в общении со своими хозяевами плебс по-прежнему нехотя использовал греческие и латинские термины, итальянский народный язык все смелее пробивал себе дорогу, тесня традиционную латынь так, что на улицах городов и торговых площадях простонародье все чаще ленилось добавлять к своим словам громоздкие латинские окончания.

Но вернемся к Фароальду и его людям. Получив известие о том, что Беренгарий Фриульский развернул свое войско и отходит от Рима, Фароальд еще раз убедился в ненадежности итальянских союзников и понял, что окончательно оказался в западне. Ни секунды не доверяя всем обольстительным речам, которыми его осыпали представители светской и церковной власти Рима, он усилил охрану города, причем проинструктировал Ратольда и солдат о возможных провокациях и договорился с Ратольдом, что, в случае тревоги, последний незамедлительно перейдет со своим корпусом ближе к Фароальду, на Марсово поле. Отсюда они смогут диктовать свои условия Риму. Соединиться же заблаговременно не позволяли проклятые обязательства германского гар-

низона по охране города.

Эти обязательства были той ахиллесовой пятой Фароальда, которой и решила воспользоваться сполетская партия. Очень скоро главной темой встреч во дворце герцога Сполето или же в доме Теофилактов стала тема избавления Рима от Фароальда. Тон, как обычно, задавала неутомимая Агельтруда, для которой Фароальд на время стал врагом номер один, далее тему вальяжно развивал Адальберт, обещая спонсирование всех действий сполетцев и, наконец, техническая сторона дела так или иначе приходила к римскому патрициату, среди которого Теофилакты теперь были полноправными участниками. В разговорах непременно участвовал епископ Сергей, персоной своей представляя интересы понтифика, который, в силу своего сана и для поддержания видимой лояльности к германцам, формально отстранился от решения столь щекотливого вопроса, но, безусловно, был посвящен во все детали встреч и своевременно вносил свои корректировки.

На очередной такой встрече, состоявшейся жарким июльским вечером во дворце Агельтруды, Теофилакт рапортовал:

– На сегодня можно с уверенностью сказать, что милиция Рима полностью верна интересам Италии и императора, представляет собой хорошо обученный корпус численностью пятьсот человек. На какие силы Рим может рассчитывать со стороны сполетцев?

– Три тысячи человек под началом моих сыновей Ламбер-

та и Гвидо, – ответила герцогиня.

– Ваше Высочество, этого явно недостаточно, чтобы вытеснить Фароальда. Ранее мы полагали, Сполето выставит вдвое больше.

– Что поделать, мессер Теофилакт, нам стало известно о мятеже Майнфреда Миланского, который единственный в Италии принял руку Арнульфа, несмотря на то, что его сын с младенчества воспитывался вместе с моим Ламбертом. Мы блокировали графа в Милане, чтобы он не мог соединиться с армией Арнульфа. В противном случае, даже болезнь каринтийца не стала бы препятствием для похода германцев на Рим. Но фортуна переменчива, всем, наверное, понятно, что мы не можем долго ждать. Фароальд должен быть уничтожен, – герцогиня закончила свою речь в стиле Катона⁶¹, вдохновителя последнего похода на Карфаген.

– Прямая атака на Рим была бы безумием. В свое время двести тысяч готов Витигеса не смогли одолеть семитысячный гарнизон Велизария. На долгую осаду у нас также нет ни сил, ни средств, – слова Адальберта про отсутствие средств вызвали тяжелый вздох собравшихся. Основной спонсор недвусмысленно, что было для него делом редким, высказал отсутствие намерения продолжать сорить деньгами, не имея видимого результата.

– Если мы не можем опрокинуть неприятеля в открытом бою, значит надо постараться лишить его руководства, – ска-

---

⁶¹ Катон Старший (234-149 до н.э.) -древнеримский политик, сенатор Рима

зал Теофилакт.

– Весьма мудро, мессер Теофилакт, но пусть ваш хитрый греческий ум придумает, как вынудить Ратольда и Фароальда покинуть свои лагеря. С некоторых пор они не выходят за их пределы, поручая декархам⁶² объезд сторожевых постов.

– Что касается Ратольда, то это не такая уж неразрешимая задача, – весело защebetала Теодора, традиционно вызвав недовольную гримасу Агельтруды, – Ратольд молод, красив и... грешен.

– И на что вы такое намекаете, обворожительная Теодора? – умильно взглянув на нее, сказал Адальберт.

– Я хочу сказать, милый граф, что Ратольд живет не таким уж и затворником и периодически покидает лагерь для встречи с нашим подарком, – к концу фразы Теодора и вовсе залилась смехом. По форме это, быть может, выглядело, как минимум, бестактно, а скорее даже и глуповато, если бы не содержание ее слов.

– Что? Что за подарок, Теодора? Объяснитесь, – спросила Агельтруда. «И перестань же, наконец, скалиться», – вдобавок подумала она.

– Мой супруг не так давно лишил меня любимой служанки Миу, лишь бы только наш горячий Ратольд не скучал среди своих варваров и не начал бы от безысходности засматриваться на их бороды. Разумеется, Миу живет не в германском лагере, а в одном милом домике в садах Мецената. Моя слу-

---

⁶² Десятникам, начальникам небольшого воинского отряда

жанка говорит, что он очень добр и нежен, – Теодора внутренне издевалась над этой ханжой Агельтрудой и поэтому не преминула добавить эту никому не нужную фразу.

– Варвар есть варвар, пусть он напялит на себя хоть десять патрицианских тог! – возвел глаза к небу Сергей, в душе также ухмыляясь при наблюдении за собранием.

– Так или иначе, но это прекрасный шанс расправиться с ним, – сказала герцогиня.

– Это, конечно, будет потеря для германцев, но скорее для Арнульфа, как отца, чем для его римского войска. Римом управляет Фароальд, а он не столь легкомыслен, – сказал Теофилакт, но был перебит Агельтрудой, воспользовавшейся шансом для маленького женского реванша:

– Фароальд тоже мужчина. Разве вы, прекрасная Теодора, не попытались его прельстить . . . вашим умом?

– Я для него слишком молода и . . . незнатна, – ответила та и пристально взглянула герцогине в глаза. Герцогине пришлось впиться ногтями себе в ладонь лишь бы только не взорваться от ярости.

«Оставь их наедине, эти стервы непременно вцепятся друг другу в волосы, – подумал Сергей, – Увы, но рано или поздно дружбе Сполето и Тосканы также придет конец, причем, благодаря этим кралям, вероятность ранней ссоры только возрастает. А ведь есть еще и Берта Тосканская, которая не уступит в стервозности им обеим».

– Убийство Ратольда ничего не даст, кроме того, что эта

весть развяжет Фароальду руки, а каринтийца заставит в любом состоянии встать с постели. И тогда горе Риму! – начал было Адальберт, но был прерван Сергием:

– Начинать надо с Фароальда. И есть только один способ выманить его из лагеря. Папа.

Эпизод 9.

1650-й год с даты основания Рима, 10-й год правления базилевса Льва Мудрого, 5-й год правления франкского императора Ламберта (5 августа 896 года от Рождества Христова)

Спустя несколько дней Фароальд получил приглашение от папы римского Стефана пожаловать в Латеранский дворец, дабы обсудить вопросы, связанные с пребыванием и полномочиями германского гарнизона, ввиду появившихся вестей об очередной высадке сарацин вблизи Рима, и, что особенно взволновало Фароальда, принять к сведению свежую оценку со стороны нового главы Вселенской Церкви относительно состоявшихся ранее императорских коронаций Арнульфа и Ламберта. Естественно, что, как официальный наместник Арнульфа, аналогичное приглашение получил и Ратольд. Скрепя сердце и с большой неохотой, осознавая весь риск своего нахождения вне лагеря, 5 августа 896 г., Фароальд выехал в послеобеденный зной в направлении Латеранского дворца.

Этот день был выбран не случайно. Накануне Теодора от

своей служанки получила информацию, что ее возлюбленный Ратольд твердо намерен следующим вечером посетить ее дом и остаться по возможности на всю ночь. И если в свите Ратольда, направлявшейся в Латеран, находились пятнадцать человек (как, кстати, и в свите Фароальда), то к своей пассии молодой германец обычно уезжал только в компании двух оруженосцев, таких же молодых, как и он сам, и также не слишком осмотрительных.

Проезжая по римским улицам, наблюдательный Фароальд отметил не в лучшую сторону изменившееся отношение к ним со стороны римлян. Как на грех, незадолго до этого визита, германскому патрулю в очередной раз пришлось вмешаться в потасовку, устроенную в одной из римских кузнечных школ. Как это часто бывает, почтенная свадебная церемония, в силу излишних вакхических жертвоприношений, переросла в банальный мордобой, который пришлось умирять людям Фароальда. В итоге, все внимание противоборствующих сторон вскорости переключилось на чужеземных гостей и последние, обороняясь, уложили на месте нескольких подвыпивших гуляк, в числе которых оказался и отец невесты. На следующий день уже бушевало полгорода, требуя немедленного суда над германскими ланциариями⁶³. Усилиями римской милиции страсти удалось унять, но естественно, что уровень неприязни горожан к иностранному гарнизону оставался на отметке, близкой к критической.

---

⁶³ копыеносцами

От себя дополним, что градус настроений искусно регулировался Теофилактом и его соратниками.

Привыкший никогда и ни при каких обстоятельствах не расставаться с мечом, Фароальд не смог сдержать вздоха, когда при входе в папские покои Латерана ему пришлось разоружиться. Свиты обоих сеньоров остались возле дворца и, обернувшись к ним, Фароальд немного успокоил себя, увидев три десятка своих надежных друзей.

Папа принял их подчеркнуто радушно, что вселило в сердце Ратольда дополнительную радость, а в сердце Фароальда дополнительную тревогу. Проводя их в свой *zetas estivalis*⁶⁴, обильно потчuya их вином и сыром, Стефан не торопился быстро переходить к делу. В скором времени, Ратольд начал понемногу нервничать, все его помыслы постепенно устремились к тому, чтобы успеть к своей прекрасной египтянке, так приятно исполнявшей все его прихоти. И его менее всего интересовали разглагольствования святого отца, жаловавшегося на свои конфликты с константинопольскими еретиками, трактующими не так как надо ветхие манускрипты, которые Ратольд теперь находил все более и более скучными.

Фароальд терпеливо слушал Стефана, прекрасно понимая, что все это только умышленно затянутая прелюдия, и пытаясь заранее разгадать замыслы папы. Прелюдия оборвалась резко и внезапно, Стефан перешел к делу, что называ-

---

⁶⁴ Прохладная летняя комната

ется, с места в карьер:

– Италия в хаосе, дети мои. Стараниями Формоза Италия имеет двух королей и, о ужас, двух императоров!

– Насколько мне известно, – Фароальд даже в папских покаях говорил густым басом, – единоначалие в Римской империи тоже было очень недолго, да и до сих пор в Константинополе базилевс редко правит в одиночестве.

– Да, но дуумвират императоров всегда был дуумвиратом соправителей, вместе решавших все проблемы Империи, бывших одного сана, одного происхождения, одной веры. Пусть даже и языческой.

– Но сложилось так, как сложилось. И миропомазание в обоих случаях осуществил епископ Рима согласно всем правилам Церкви. Можно только постараться найти какой-то компромисс между правителями.

– По этому поводу я вас, доблестные воины, и пригласил. Возникла пауза. Фароальд напряженно ждал.

– Папской курией подготовлены письма к императору Арнульф и императору Ламберту с предложением искать встречи друг с другом в Риме, без оружия, летом следующего года. Церковь с горечью взирает на междоусобицы, вспыхнувшие между двумя столь досточтимыми людьми, и осознает, что один из ее недостойных служителей был тому причиной. Церковь сегодня не отдает явного предпочтения никому из упомянутых властителей и видит решение в заключении династического союза между Арнульфом Каринтийским и

Ламбертом Сполетским для прекращения дальнейших войн. Для вознаграждения усилий обоих, Рим предлагает славным владыкам рассмотреть возможность брака Ламберта Сполетского с Элленратой, дочерью Арнульфа, и определить границы своих влияний по реке По до того момента, пока волею Господа и закономерным течением времени не прекратится двоевластие. Я прошу вас, высокочтимый и благородный Ратольд, незамедлительно доставить это послание господину вашему Арнульфу, присовокупив к нему наши молитвы за его здравие. Быть может, вы добавите к этому письму послание лично от себя, ибо, не забегая вперед и не возмущая тем самым Господа, я не отважился предложить высокородному королю Арнульфу вашу кандидатуру в качестве викария⁶⁵ Северной Италии.

Уж на что был искушен и неэмоционален Фароальд, но даже он забыл в те минуты все свои страхи, ведь папа предложил действительно прекрасный выход из тупика. Опустившись на колени и воздав хвалу Небесам за мудрость их наместника на Земле, Фароальд и Ратольд готовы были молниями лететь в свои лагерь, чтобы отправить столь благую весть их господину. Неужели их миссию ждет такой великолепный итог?!

– Благородный Фароальд, давайте не будем удерживать доблестного Ратольда в его грядущих поступках, да благословит Христос все его начинания. У меня есть суетные во-

---

⁶⁵ Наместника

просы, касаемые насущных проблем вашего гарнизона, которые бы мне хотелось обсудить. Вышеупомянутое письмо к императору Арнульфю моя охрана передаст комиту⁶⁶ Фароальду после завершения нашего разговора.

Ратольд поспешно удалился, его сердце бешено стучало и готово было вырваться из грудной клетки. Открывающиеся перспективы пьянили его и пугали своей грандиозностью.

Невероятно, но Фароальд пробыл у папы еще около трех часов. С трудом он находил в себе силы отвечать на действительно немного суетные и мелочные вопросы папы, все заслоняла собой огорошившая новость о возможном и благополучном разрешении конфликта. Но он был опытным управленцем, потому с достоинством и толком информировал Его Святейшество о задолженностях по жалованью его солдат, о фуражировании, о вариантах совместной экспедиции по уничтожению назойливых сарацин, по-хозяйски обосновавшихся в Гарильяно. Последняя новость слегка насторожила его, папа требовал отправить в поход около пятисот его солдат под руководством Теофилакта, который намеревался добавить в армию столько же греков. Понтифик заметил, что при упоминании Теофилакта, лицо Фароальда приобрело мрачное выражение:

– Я вижу, сын мой, у вас с сим греком какой-то конфликт?

Фароальд поспешил уверить папу в обратном и воздал должное воинской доблести Теофилакта. Однако папа, ви-

---

⁶⁶ Комит – граф, начальник воинского отряда

димом, поймал новую тему для продления разговора, и Фароальд вынужден был в самых лестных оценках выразить свое отношение ко многим из тех, которым он с удовольствием вспорол бы живот – к Адальберту Тосканскому, римским патрициям Григорию и Константину, епископам Льву, Петру и Сергию (а как же без него!). В итоге на Рим уже опустилась ночная мгла, когда Фароальд, наконец, покинул приемную комнату любознательного понтифика и направился прочь из дворца.

Предстояло еще взять в канцелярии упомянутое папой письмо о благополучном исходе их миссии, а также вернуть личное оружие. Входя в канцелярию, Фароальд нос к носу столкнулся с Теофилактом. Благодушное настроение германца сразу испарилось.

– Приветствую вас, мессер Фароальд, наместник великого Арнульфа!

– Привет вам, мессер Теофилакт, но спешу вас поправить, наместником Рима является благородный Ратольд!

– Ну-ну, не прибедряйтесь, мессер Фароальд! Мы же понимаем, кто на самом деле поддерживает порядок в Риме!

Фароальд был не в настроении продолжать разговор, к тому же его торопили дела:

– Мессер Теофилакт, Его Святейшество, епископ Рима Стефан...

– Просил вас забрать письмо? Вот оно...

Фароальд облегченно вздохнул. С того самого момента,

как он увидел командира римской милиции, сердце его бешено стучало, чутье старого зверя подсказывало ему быть настороже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.